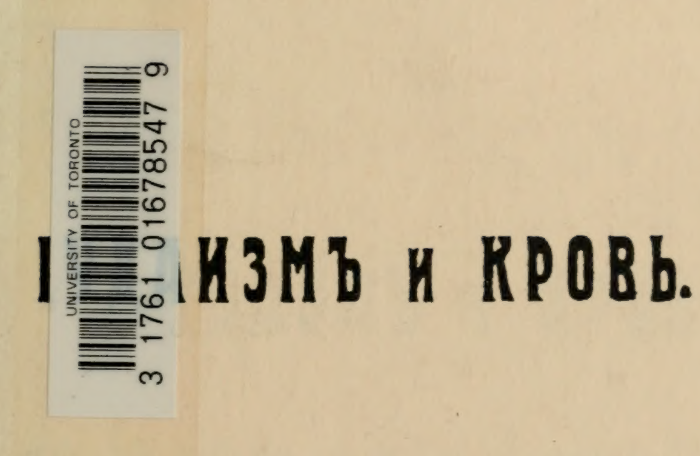
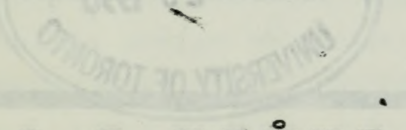

…ИЗМЪ И КРОВЬ.

А. Д. ХЕЙНЪ,

ІУДАИЗМЪ И КРОВЬ.

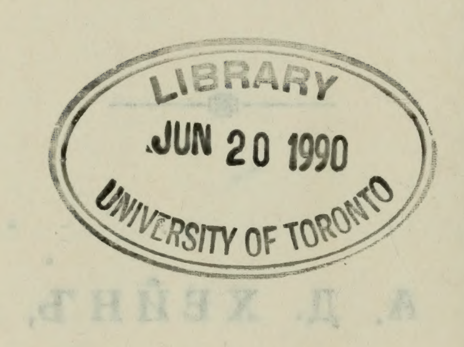
(Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на кровавый навѣтъ).

А. Д. ХЕЙНЪ,

Духовный раввинъ гор. Новозыбкова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1913.

LIBRARY
JUN 20 1990
UNIVERSITY OF TORONTO

Свѣтлой памяти незабвенной сестры Эстеръ, еврейки и человѣка.

Нуженъ ли отвѣтъ.

Слѣдуетъ ли еврейству отвѣчать на кровавый навѣтъ?

Этотъ вопросъ влечетъ за собою другой нераздѣльный съ нимъ вопросъ:—кому отвѣчать?—Искреннимъ ли невѣждамъ, которые вѣруютъ въ эту кровавую басню или пользующимся отвратительной басней, наглымъ циникамъ, которые знаютъ и лживость, и абсурдность ея.

Но развѣ существуютъ искренніе невѣжды?

Искренно вѣрующихъ въ кровавую басню—нѣтъ и никогда не было—ихъ не могло быть.

Вѣдь это обвиненіе немыслимо внѣ связи его съ еврейскимъ ритуаломъ. Употребленіе крови съ ритуальной цѣлью представляетъ собою,—если это не психозъ,—одинъ изъ видовъ человѣческихъ жертвоприношеній.

Но что же такое жертвоприношеніе вообще? Какое въ этомъ нелѣпомъ варварствѣ заложено моральное начало?

Жертвоприношеніе прежде всего—жертва, самопожертвованіе. Если не полное, то частичное. И состоитъ оно въ одномъ: то, что дороже всего и цѣннѣе всего, преподносится Богу.

„ . . . Охранное войско филистимлянъ было тогда въ Виѳлеемѣ. И сказалъ Давидъ...: кто напоилъ бы меня водою изъ колодезя Виѳлеемскаго, что у воротъ? Тогда прорвались три мужа сквозь станъ Филистимлянскій и зачерпнули воды изъ колодца Виѳлеемскаго, что у воротъ и поднесли Давиду. Но не захотѣлъ Давидъ пить ее и вылилъ въ честь Господа.

И сказалъ: Да сохранитъ меня Господь отъ этого. Неужели мнѣ пить кровь мужей, жертвовавшихъ жизнью своей. Потому что съ опасностью для жизни они добыли воду...

(Первая книга Паралипоменон., гл. II п.п. 16, 17, 18, 19).

Слишкомъ дорога эта вода. Она обошлась чуть ли не въ жизнь „трехъ мужей". Сильно томила жажда Давида. И вылилъ онъ воду въ честь Господа.

Вотъ единственный высокій смыслъ и возвышенное начало идеи жертвоприношенія. На жертвенникъ поэтому допускались лишь исключительно лучшія „жирныя" части приносимаго предмета.

„Никакого порока не должно быть на жертвѣ".

(Левитъ, XXII п. 21).

Пророкъ Малахій безпощадно бичуетъ приносящихъ Господу въ жервы—порочныхъ и испорченныхъ (животныхъ) (Малахій гл. I п. п. 8—14)—это потому, что жертвой можетъ быть исключительно то, что болѣе цѣнно, болѣе дорого. Иначе, исчезаетъ единственная крупица смысла, лежащая въ основѣ самой идеи жертвоприношенія.

Идолопоклонники, отцы идеи жертвоприношенія, оказались крайне послѣдовательными, и довели линію своего принципа до послѣдняго предѣла. Ихъ жертвой было то, что дѣйствительно дороже всего. Приносились въ жертву дорогіе, единственные сыновья, любимыя жены... Отдавали въ жертву и себя.

Но принести въ жертву Господу ненужное себѣ, нелюбимое, тѣмъ болѣе ненавистное себѣ существо,—врага, напр., — какой смыслъ въ подобной жертвѣ. Основного смысла жертвоприношенія, души, идеи въ этомъ нѣтъ.

Но вѣдь вся кровавая басня зиждется исключительно на ненависти и презираемости (измышленной) евреями христіанства и христіанъ.

Если бы сомнѣніе относительно подлиннаго содержанія еврейской религіозной письменности было дѣйствительно искреннимъ,—тогда искали бы вѣрныхъ путей къ дѣйствительному выясненію вопроса. Не довольствовались бы тогда однѣми инсинуаціями и фальсификаціей. Если сомнѣніе дѣйствительно существуетъ, то разъясненіе вопроса—дѣло первѣйшей важности.

И за способомъ дѣйствительной провѣрки въ сущности не такъ далеко идти. Исторія знаетъ подобные факты:

Царемъ египетскимъ Птоломеемъ была взята подъ подозрѣніе св. Тора. Причины и тамъ были—инсинуація, клевета, фальсификація и невѣжество. Но высшей власти захотѣлось правды. Правды дѣйствительной. И способъ провѣрки немедленно былъ найденъ:

Былъ организованъ знаменитый „переводъ семидесяти". Переводчики были изолированы другъ отъ друга и отъ внѣшняго міра. Тождественность переводовъ у всѣхъ, лишенныхъ всякаго общенія между собою и съ внѣшнимъ міромъ, не могла не убитъ подозрѣнія въ самомъ его корнѣ.

(Талмудъ. Мегила).

Самый актъ провѣрки—безусловно оскорбителенъ; но способъ провѣрки безусловно вѣренъ...

Допускаетъ ли простая житейская логика сомнѣніе въ абсурдности всей ритуальной басни?

Евреевъ на обоихъ полушаріяхъ больше 13-ти милліоновъ. Всѣ употребляютъ мацу. Сколько мальчиковъ и дѣвочекъ слѣдовало бы съ кровавой ритуальной цѣлью убивать и уродовать ежегодно? Тысячи—минимумъ сотни.

Гдѣ же всѣ эти трупики, гдѣ исчезнувшія дѣти?

Скажутъ: обвиненіе касается только хассидовъ, не всѣхъ евреевъ. Но хассиды же составляютъ добрую половину всѣхъ евреевъ.

. . . И почему загадочныя убійства и странныя исчезновенія дѣтей всегда появляются именно только въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣ моменты, гдѣ и когда воинственный антисемитизмъ составляетъ политическій лозунгъ дня.

Нѣтъ мотивовъ для существованія ритуальнаго навѣта. Напротивъ, — все энергично свидѣтельствуетъ объ обратномъ.

Ни одного слова въ авторитетахъ еврейской религіи, ни одного обычая въ еврейскомъ ритуалѣ нѣтъ, который бросилъ бы на іудаизмъ хотя-бы самую маленькую тѣнь обвинительнаго свойства. Здѣсь нѣтъ мѣста для ошибокъ. Нѣтъ даже софистической возможности ошибиться.

Больше того. Іудаизмъ, какъ идея, теорія, ученіе представляетъ собою прежде всего—сплошной и энергичный протестъ противъ самой мысли объ употребленіи крови съ ритуальной цѣлью, о насиліи надъ кѣмъ бы то ни было, совершенно независимо отъ цѣли и мотивовъ его.

Что же касается обрядовой стороны,—то распространяться о ней, послѣ сказаннаго о сущности религіи,—совершенно лишнее. Для этого не нужно даже быть знакомымъ съ этими обрядами: вѣдь обряды—это только символъ мыслей, выраженіе идей, изъ которыхъ складывается сущность религіи.

Нѣтъ искренне заблуждающихся невѣждъ, нѣтъ такихъ, которые могли бы не знать, что это обвиненіе—циничное кощунство, злостная и наглая ложь

Искреннимъ невѣждамъ нечего отвѣчать.

Кому же нуженъ отвѣтъ?

Изобрѣтателямъ этой кровавой сказки, каинамъ?

Но, помилуй Богъ, что за смыслъ обращаться со словомъ къ такимъ молодцамъ? Что дастъ намъ это обращеніе и въ чемъ его сила?

Неужели тѣхъ, у кого свойственныя всякому неиспорченному человѣку чувства отвращенія и страхъ передъ актомъ поруганія святыни и правды пассуютъ передъ пошленькими личными соображеніями, тѣхъ, кто не останавливается предъ убійствомъ и провокаціей,—неужели такихъ „героевъ" можно отразить словомъ...

Однако оставить эту клевету безъ отвѣта нельзя. Молчать невозможно. Да и замолчать эту клевету нельзя.

Но слово должно быть обращено къ дѣйствительнымъ виновникамъ наглаго навѣта. Не къ клеветникамъ. Они по ту сторону вины. И не для ихъ ушей создано слово... И, главное, ихъ нельзя считать первопричиной этого ужаснаго зла. Они лишь—продукты времени и мѣста, вибріоны, которые создаются гнилостью атмосферы и почвы.

Пассивность и индифферентизмъ общества, вѣрнѣе—нейтралитетъ русской или, точнѣе, европейской совѣсти при видѣ всѣхъ ужасовъ, всего поруганія правды, святыни и великой изстрадавшейся народной души—вотъ атмосфера и почва, на которой создаются, множатся, вскармливаются и развиваются вибріоны...

И не къ клеветникамъ, но къ этому великолѣпному и гордому собою нейтралитету долженъ быть направленъ отвѣтъ на кровавый навѣтъ.

Трудность отвѣта.

Но какъ отвѣтить и что отвѣтить?

Трудность этой задачи нельзя представить себѣ съ перваго взгляда. На пути къ разрѣшенію этой задачи лежатъ два психологическихъ затрудненія:

1) абсолютность предмета.

2) надобность доказать абсурдность обвиненія

Обвиненіе въ ритуальномъ употребленіи крови евреями абсолютная ложь. А психологія всего абсолютнаго такова, что отъ воплощенія его въ слово и форму,—оно только проигрываетъ. Свое исключительное обаяніе абсолютнаго оно сейчасъ же теряетъ. Это судьба всего абсолютнаго.

Царь Давидъ, достигшій высшаго созерцанія во Всевышнемъ, почувствовалъ слово, какъ орудіе воспѣванія всемогущества Его,—недостаточнымъ. И изрекъ:

Тебѣ молчаніе—хвала.

(Псаломъ 65, 2. См. Брохейсъ, Море Невохимъ).

Тамъ, гдѣ слово—безсильно, надо прибѣгать къ безсловію. Есть пѣсня безъ словъ. Есть и безъ звуковъ. Есть благоговѣйное молчаніе предъ тѣмъ, что

нельзя сказать словами, звуками. Оно выше всякихъ словъ, выраженій и формъ.

Гдѣ кончается царство словъ, тамъ начинается царство молчанія... Такъ оно и въ области понятій и явленій.

Жизнь и смерть; рожденіе и казнь; послѣдніе моменты идущаго на казнь, одиноко умирающаго... Прощаніе съ семьей, съ дорогими дѣтьми и родителями... Прощаніе съ солнцемъ, луной моремъ—со всей вселенной.

Всякое слово о тахихъ явленіяхъ, для болѣе или менѣе тонкой души звучитъ профанаціей; получается впечатлѣніе блѣдности выраженія, недосказанности. И если мы не хотимъ умалять, профанировать абсолютность абсолютныхъ предметовъ, лучше о нихъ молчать,—не говорить...

Вотъ почему такъ трудно отвѣтить на кровавый навѣтъ. Всякое слово о немъ производитъ впечатлѣніе, что оно низводитъ его съ высоты невыразимой абсолютности до степени рядовой, обыденной лжи и неправды.

Протестовать можно противъ такихъ вещей о которыхъ возможны два мнѣнія. Но противъ сухости воды, темноты солнца—не протестуютъ.

Но кромѣ того при обвинени доказывать долженъ обвинитель, а не обвиняемый. Обвинитель доказываетъ, что обвиняемый дѣйствительно совершилъ приписываемое ему дѣяніе. Не требуется, чтобы обвиняемый доказывалъ, что онъ преступленія не совер-

шалъ. Достаточно недоказанности, тѣмъ болѣе—опровергаемости утвержденій обвинителя.

И ставить такія требованія обвиняемому, по меньшей мѣрѣ—варварство.

Обвиняютъ тебя въ убійствѣ человѣка. Всѣ утвержденія обвинителя при правильномъ веденіи процесса тебѣ безусловно удастся опровергнуть.

Но если тебѣ скажутъ:—мало того, что не доказано или даже опровергнуто обвиненіе—докажи, что ты не убилъ.

Возможны ли такого рода доказательства?

Въ отношеніи опредѣленнаго обвиненія въ убійствѣ даннаго человѣка, можно ихъ, по крайней мѣрѣ, представить себѣ. Можетъ быть разысканъ дѣйствительный убійца. На судѣ будетъ доказано, что въ моментъ убійства обвиняемый былъ въ другомъ мѣстѣ.

Эта возможность—случайная, счастливая. Но она вообразима.

Конечно, сказать обвиняемому:—отыщется убійца, ты—невиновенъ, въ противномъ случаѣ ты—виновенъ, несмотря на недоказанность или даже опровергаемость утвержденій обвиненія,—сказать только потому, что онъ не доказалъ, что онъ не убилъ,—это будетъ не правосудіемъ, а насмѣшкой надъ правосудіемъ. Но опять таки возможность такихъ доказательствъ по крайней мѣрѣ вообразима.

Но если обвиненіе еще болѣе общее,—тогда и представить себѣ доказательства отсутствія вины—нельзя.

Тебѣ брошено обвиненіе въ убійствѣ человѣка безъ указанія мѣста, времени и объекта. Тебѣ говорятъ: „Докажи, что ты не убилъ".

Тутъ уже нечего говорить о возможности. Тутъ не только практической но даже представляемой, мыслимой возможности доказывать нѣтъ.

Обвиняемый можетъ лишь одно сказать: „утверждай, я буду опровергать".

Но гораздо болѣе дико звучитъ заявленіе многотысячному народу:

— „Докажи, что среди твоихъ сыновъ нѣтъ и никогда не было ни одного человѣка, ни одной группы, которые совершили такое и такое-то дѣяніе".

— По силамъ ли защищаться при этихъ условіяхъ не то что человѣку, но самому Архангелу?

Приводите ваши доказательства,—скажутъ нація и правда—мы ихъ всѣ опровергнемъ. Нація знаетъ себя во всѣхъ развѣтвленіяхъ, мѣстахъ и временахъ. И знаетъ, что Ваши утвержденія—ложь и сущій вздоръ.

Ритуальное обвиненіе имѣетъ именно такой характеръ.

Опредѣленныхъ данныхъ, опредѣленныхъ утвержденій обвиненіе не приводитъ. Есть лишь требованіе, чтобы обвиняемый съ своей стороны привелъ доказательства, что онъ не виновенъ.

Обвиненіе не указываетъ:—„вотъ люди сыны Израиля, составляющіе такую то кровавую секту; вотъ книга религіознаго авторитета, на той и на этой стра-

ницахъ которой красуется кровавый ритуалъ. Отвѣчай на это весь Израиль"!

Не такъ обвиненіе въ сущности говоритъ, а иначе: „среди Израиля существуютъ, существовали, гдѣ-то, когда-то, какіе-то люди, группы, секты; гдѣ-то, когда-то существовала какая-то священная книга, которая содержала указаніе на такое-то дѣяніе. Докажи, Израиль, что такихъ людей, книгъ нигдѣ и никогда не было.—Какой народъ во всемъ мірѣ сумѣлъ бы это доказать.

Вотъ затрудненія, лежащія на пути отвѣта.

Этимъ и объясняется, почему такъ сравнительно мало реагировало еврейство на эту клевету.

Какъ не нужно отвѣчать.

Раньше, чѣмъ касаться того, какъ должно отвѣчать на ритуальныя обвиненія, необходимо установить, какъ не нужно отвѣчать.

Предъ моимъ мысленнымъ взоромъ—три отвѣта еврейскаго духовенства на этотъ навѣтъ.

1) „Краковская клятва". Актъ составленъ въ Краковѣ 15 лѣтъ тому назадъ съѣздомъ раввиновъ всего міра.

2) „Протестъ". Изданъ г. Цирельсономъ, Кишиневскимъ раввиномъ за подписью множества раввиновъ.

3) „Торжественное заявленіе" русскихъ раввиновъ. Издано С.-Петербургскими еврейскими общественными

дѣятелями при ближайшемъ участiи нѣкоторыхъ видныхъ раввиновъ.

Изданiе послѣднихъ двухъ отвѣтовъ относится къ 1911 г., когда выплыло неожиданное обвиненiе еврейства въ крови Ющинскаго.

Общее свойство всѣхъ трехъ отвѣтовъ это—наличность въ нихъ элемента завѣренiя. Клятва, произнесенная въ Краковѣ, гнѣвное слово протестанта изъ Кишинева, честное слово, торжественно заявленное въ Петербургѣ,—но суть всѣхъ трехъ отвѣтовъ—въ личномъ увѣренiи. мы клянемся, мы торжественно заявляемъ, что... Нѣтъ. Мы протестуемъ противъ клеветы. Мы... этимъ не занимаемся.

Личное увѣренiе. Это—общее свойство всѣхъ трехъ отвѣтовъ: отличительная черта „протеста",—подкрѣпленiе своего отрицанiя легенды мнѣнiемъ папъ и... разновременными правительственными декретами.— Отличительная черта „торжественнаго заявленiя"—елейность стиля. Послѣднее въ стремленiи не дразнить гусей низводитъ этотъ исключительнаго значенiя актъ до степени обыденнаго „опроверженiя досадно вкравшейся ошибки".

Отличительныя черты Краковской клятвы видны въ ея формулировкѣ. Она сводится къ слѣдующему: „мы принимаемъ клятву въ томъ, что ни въ жизни, ни въ книгахъ мы, раввины не встрѣчали, ни отъ кого не слышали, что есть или былъ когда и гдѣ либо такой обычай"...

Не положительное, активное отрицаніе этого обычая.—Не активное отрицаніе, а—пассивное. „Намъ, раввинамъ, ничего неизвѣстно“.

Легко догадаться, что всѣ означенные три отвѣта составляютъ образцы именно того—„какъ не нужно отвѣчать“. Они и обидны, и наивны.

Народу народовъ, открывшему Бога, моральныя истины, высшую этику и мудрость справедливости, бросаютъ въ лицо мерзкое обвиненіе въ страшномъ убійствѣ невиннаго Ющинскаго, а Вы, рабы Божіи, вмѣсто наболѣвшаго крика оскорбленной народной души сочиняете „бумаги“; вмѣсто естественнаго возмущенія совѣсти противъ циничнаго поруганія правды и святыни пишете „опроверженія“.

> „Неправда молъ, что наша вѣра велитъ употреблять христіанскую кровь... Ей Богу... Протестуемъ... Честное слово, что нѣтъ“...

Вотъ истинный характеръ всѣхъ раввинскихъ отвѣтовъ.

Богъ и Тора на скамьѣ подсудимыхъ, а вы, раввины, реагируете на это... клятвой, увѣреніемъ, гнѣвнымъ или честнымъ словомъ. Оправдываете... себя... Бога... Тору...

Но помимо всего,—какая наивность звучитъ въ такомъ отпорѣ.

Васъ обвиняютъ въ тягчайшемъ грѣхѣ, а Вы реабилитируете себя путемъ личныхъ завѣреній. Можно ли себѣ представить, чтобы заподозрѣннаго въ самомъ страшномъ изъ смертныхъ грѣховъ—перестали подо-

зрѣвать исключительно потому, что онъ клянется и даетъ свое „честное слово“...

Но кромѣ того, „торжественное заявленіе“ изложенное такъ, какъ будто рѣчь идетъ о неправильномъ обвиненіи въ незаконномъ проживаніи... на дачѣ. Скажутъ: елейность тона это—актъ сильнаго самообладанія, побѣды хладности и сдержанности великаго и опытнаго ума надъ пылкостью и страстностью сердца, которымъ говоритъ горе и обида.

Но это неестественно. Живой человѣкъ такъ не реагируетъ на такія обвиненія. Нельзя не возмущаться, когда оно—неправда, тѣмъ болѣе когда оно—злостно... Крикъ души въ подобныхъ случаяхъ —естественъ. А лишнее соблюденіе „тона“, неестественная уравновѣшенность, не улучшатъ впечатлѣнія, не усилятъ убѣдительности.

Минусь Краковской формулы въ ея пассивности.

Правда, въ сущности, нѣтъ лучшаго отрицанія вины, нежели абсолютное незнаніе даже о существованіи приписываемаго дѣянія... И разъ раввины, посвящающіе всю жизнь свою изученію практическаго и теоретическаго ритуала, абсолютно не знаютъ о существованіи такого обычая, значитъ, что его нѣтъ,—обвиненіе ложь.

„Я не знаю“ здѣсь равносильно:—„этого нѣтъ“. Дѣло только въ психологической честности. Честный человѣкъ не долженъ, напр., клясться, что дерева, на которомъ растутъ шоколадные торты и жареныя ин-

дюшки—нѣтъ, достаточно, если онъ скажетъ: „никогда, нигдѣ онъ не видѣлъ и не слышалъ, что подобное дерево существуетъ“. Между тѣмъ такая формула—обидна и неправильна въ отношеніи ритуальнаго обвиненія.

Не только утвержденіемъ: мы „не знаемъ“, что ритуалъ существуетъ.

Нѣтъ, мы знаемъ, что ритуалъ не существуетъ, что его нѣтъ.

Что же касается приведенныхъ протестомъ подкрѣпленій отъ папъ,—это всегда производитъ такое же удручающее впечатлѣніе, какъ если въ доказательство того, что 2 × 2 — не стеариновая свѣча, или что Моисей и Соломонъ умственно выше недоросля, а морально—Ивана Грознаго,—приводятъ „мнѣнія“... милліонеровъ и... губернаторовъ.

Наконецъ, отвѣтъ не долженъ выбирать своей базой запретительный законъ объ употребленіи евреями крови вообще, до яичной включительно, что служитъ основнымъ мотивомъ всѣхъ этихъ трехъ отвѣтовъ. Этотъ законъ—частность. Правда, онъ исходитъ изъ принциповъ цѣлаго. Но все же частность не перестаетъ быть частностью. Центромъ, сердцемъ и душою всего механизма ей, частности, не быть.

Можно себѣ представить еврейскій ритуалъ безъ запрещенія употреблять яичную кровь. Но іудаизмъ, не признающій убійство и насиліе смертнымъ грѣхомъ; іудаизмъ, не исключающій самой возможности идеологіи крови,—такого іудаизма представить себѣ нельзя. Такое ученіе прежде всего—не іудаизмъ.

Какъ же нужно отвѣчать.

Не клясться, не заявлять, не протестовать, не ссылаться на папъ и генераловъ и не ограничиваться пассивнымъ „нѣтъ“—отрицаніемъ утвержденій,—всѣхъ „да“ обвиненія,—а показать, что такое Тора, какова сущность іудаизма, каковы его идеалы и его завѣтныя мечты, каковы тезисы талмуда, изустнаго ученія, сущность еврейскаго ритуала и его традицій.

Духовный портретъ еврейства не можетъ не составить самый лучшій и энергичный отвѣтъ.

Онъ покажетъ самодовольной европейской совѣсти,—кого при ея молчаливомъ соучастіи такъ мерзко и цинично оплевывали и терзали. И если эта совѣсть еще жива,—то портретъ будетъ преслѣдовать ее, какъ призракъ, съ огненными словами на челѣ:

За что? За что?...

За что такъ издѣвались надо мною?

Ты, благородная совѣсть, какъ допустила ты это? Какъ у тебя хватало духа молчать?...

Почему ты не боролась со зломъ?

Психологически честныхъ долженъ этотъ портретъ наводить на глубокія размышленія, долженъ довести ихъ до серьезныхъ вопросовъ о томъ, какъ искупить величайшій міровой грѣхъ предъ страдальцемъ—Израилемъ.

Духовный снимокъ еврейства не можетъ не превратить гнусную клевету въ показателя правдоподобной

цѣнности всѣхъ вообще клеветъ на евреевъ, какъ націю... Разверните свитки нашей вѣры, ученія и ритуала, каббалы и хассидизма, и познаетъ міръ:—„кто культивируетъ кровь и человѣческія страданія“ —мы, или наши клеветники,

Борьба вѣчнаго Якова-Израиля съ демономъ антисемитизма продолжается лишь до восхода утренней зари, до появленія первыхъ свѣтозарныхъ лучей мірового солнца.

(По Бытіи XXXIII, 25).

При свѣтѣ нѣтъ мѣста царству тьмы. Оно исчезаетъ.

Въ завѣтномъ будущемъ—рисуетъ образно Агада—вынетъ Предвѣчный солнце изъ футляра. Праведники насладятся обиліемъ свѣта. Нечестивые наказуются имъ.

Нѣтъ большаго удара для нечестивыхъ и неправыхъ, нежели сіяніе свѣта.

* * *

Исполненіе этой задачи во всемъ ея объемѣ,—воспроизведеніе портрета іудаизма во весь его ростъ,—непосильно не только уму заурядному, но и самому геніальному.

Это—работа для коллегіи. Работа упорная, требующая много времени и энергіи мысли.

Но чтобы мои слова—не звучали добрымъ, но пустымъ совѣтомъ,—позволяю себѣ дать въ видѣ примѣра нѣкоторые отрывки изъ той именно области мыслей и данныхъ, которыя должны лечь въ основу

отвѣта показателя истинной сущности іудаизма, незыблемыхъ его тезисовъ, завѣтныхъ его стремленій, мечтаній и идеаловъ, его ритуаловъ и его отношенія къ крови.

Кровь и строитель храма.

Когда царь Давидъ захотѣлъ строить храмъ Господу, пророкъ Нотоне ему говорилъ:

„Но было ко мнѣ слово Господне. И сказано: Крови много ты пролилъ и войны большія совершилъ: ты не долженъ строить дома имени Моему, потому что крови много ты пролилъ на землю предъ лицомъ Моимъ“.

(Первая книга Паралипоменонъ 22,8).

„Кровь и убійство“—вотъ единственныя непреодолимыя препятствія, лежащія на пути къ строительству храма Израилева Богу. Нельзя не подчеркнуть, что рѣчь идетъ о царѣ Давидѣ, о крови, которую онъ пролилъ. Это кровь не разбоя и грабежа. Она пролита торжественно,—на полѣ сраженія. И загородившіе путь къ сооруженію храма трупы—не жертвы насилія и произвола, а жертвы государственнаго долга, идеи государственности. Павшіе на войнѣ враги, и пролитіе крови, не только не признается величайшей заслугой, высшимъ подвигомъ, а — ложится непроходимой горой между героемъ крови и смерти и Богомъ Израиля

И не ему быть строителемъ Божьяго храма.

Нѣтъ той крови, пролитіе которой не составило бы препятствіе къ воздвиженію храма.

Кровь и жертвенникъ.

„Если же будешь дѣлать мнѣ жертвенникъ изъ камней, то не сооружай его изъ тесаныхъ; потому что, какъ скоро возложишь на нихъ тесло свое, то осквернишь ихъ“.

(Исходъ 20, 25).

„Жертвенникъ созданъ продлить дни человѣка, а желѣзо—сократить. И не долженъ сократитель жизни подняться на ея продлителя“.

(Мотивировка къ приведенному стиху. Мишнаіотъ Мидотъ 3,4).

Вдумайтесь въ суть и истинный смыслъ этого стиха и его мотива.

... Сколько общественныхъ, политическихъ, да чисто научныхъ жертвенниковъ сооружается на крови и трупахъ.

Не только политическіе институты, какъ государство, создаются исключительно кровью и мечемъ. Не только служащія добычѣ денегъ предпріятія, которыя вообще не такъ сантиментальны, чтобы справляться съ велѣніями морали и справедливости. Не только дѣло общественнаго благоустройства — создается и держится на крови и жертвахъ: достаточно вспомнить процессъ добыванія золота, угля, керосина, сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, мостовъ, кораблей.

Не такова мораль Торы.

То, что создается кровью и покоится на ней, прежде всего — не жертвенникъ, не алтарь. „Не железу, орудію крови, смерти и насилія, создать жертвенникъ, алтарь Божій“. Вотъ еврейскій ритуалъ. Не составляетъ ли это смертнаго приговора надъ всѣми институтами, твореніями и созданіями человѣческой мысли, которыя питаются кровью...

Не является ли (невольно вырывается вопросъ) этотъ символическій ритуалъ активнымъ и идеальнымъ протестомъ противъ ритуальнаго навѣта

Оружіе и честь.

> Мужчина не долженъ имѣть при себѣ (въ субботу): меча, лука, щита, длиннаго или круглаго и копья... Р. Эліэзаръ говоритъ: все составляетъ украшеніе для человѣка. Мудрецы же говорятъ:
>
> — Оружіе составляетъ позоръ для человѣка.
>
> (Трактатъ Шаббатъ 1, 4).

Краткія слова и сколько въ нихъ святой наивности, чистоты и моральной цѣльности.

И какой это смѣлый лозунгъ — истинно смѣлый.

Формула революціи мысли и морали. Революціи великой и дѣйствительной,

Крутая переоцѣнка цѣнностей.

Мечъ—орудіе и символъ боевого героизма, рыцарства, побѣды, славы и власти не украшеніе, а позоръ.

Даже—не грѣхъ, а „поношеніе".

Не составляютъ ли эти наивныя и безхитростныя слова болѣе строгаго цѣльнаго приговора надъ всякой идеологіей, допускающей убійства людей, чѣмъ всѣ хитроумныя и громовыя рѣчи, всѣ статьи, написанныя по этому вопросу когда-либо.

Пока изобрѣтеніе орудія смерти и разрушенія будетъ величайшей заслугой и честью—оружіе, будетъ предметомъ украшенія, — нѣтъ мѣста идеѣ мира. Не только конечному торжеству ея, но и теоретическому ея провозглашенію, какъ юридической и моральной истины нѣтъ мѣста въ жизни.

Лишеніе же оружія славы, окрещеніе его —„поношеніемъ", это—самый вѣрный ударъ по кровавому молоху, какъ духовному началу.

Особенную моральную и духовную цѣнность пріобрѣтаетъ это отношеніе къ оружію еще и потому, что оно не превозглашено какъ что-то нарочито великое, а какъ-то мимоходомъ, случайно, между прочимъ, приводится въ мотивировкѣ къ одной подробности сухого, практическаго ритуала...

Психологическая интимность, душевная тайна и всякій истинно-внутренній міръ высказываются на свѣтъ Божій не въ „преднамѣренныхъ заявленіяхъ", а всегда—случайно, незамѣтно, между прочимъ.

Прикосновеніе къ трупу, къ орудію смерти и ритуальная чистота.

> И всякій, кто прикоснется къ убитому или мечу, который касался тѣла убитаго,— нечистъ бываетъ.
>
> (Числа XIX, 15. Талмудъ, Трактатъ Хулинъ 31, а).

„Нечистое“ въ ритуалѣ имѣетъ нѣсколько градацій. Высшую степень „нечистаго“ составляетъ только трупъ.

Особое исключеніе представляетъ собою мечъ; онъ, какъ орудіе смерти, равняется трупу, если между ними было соприкосновеніе.

Слѣдующія степени составляютъ: прикосновеніе къ мѣсту, къ постели, на которой лежалъ трупъ.

Больше того:

> „Всякій, который зайдетъ подъ кровлю (хотя бы на секунду), гдѣ находится трупъ,— нечистъ бываетъ“. Ритуально нечистъ.

Прикосновеніе къ трупу и Пасха.

> Но были люди, которые были нечисты отъ прикосновенія къ мертвымъ тѣламъ человѣческимъ и не могли совершить пасхи...
>
> (Числа 9,6).

Тотъ кто былъ нечистъ (по прикосновенiи къ мертвецу)... то не совершаютъ для него пасху...

(Талмудъ. Псохимъ 93, Маймонидъ пасха 5,1).

При этомъ ясно оговорено;

... безразлично еврея ли это трупъ или нееврея.

(Талмудъ, Iвомотъ, 6; Маймонидъ, т. 4, законы нечистности трупа. 1, 42).

Объясненiя—излишни.

Кровь Исава и Iакова.

„И убоялся Iаковъ очень, и ему тѣсно стало"

(Бытiе XXXII).

„Убоялся очень,—объясняетъ мидрашъ— не будетъ ли онъ убитымъ;

и ему тѣсно стало: не убьетъ ли онъ Исава".

(Мидрашъ Бытiе XXI,8).

... Первая за боязнью быть убитымъ тревожная мысль это—„не убьетъ ли онъ Исава".

Таковъ физически и психологически родоначальникъ израильтянъ.

Такова и психологiя вѣчнаго еврея, нашедшая свое наилучшее выраженiе въ символической личности своего родоначальника Iакова.

Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что тотъ, убить котораго Іаковъ такъ сильно боялся, былъ никто иной, какъ Исавъ—олицетвореніе всего злого и гнуснаго, врагъ-символъ. И главное это былъ моментъ поединка. „Если не я—его, то онъ—меня". И вся ярость Исава рвалась къ Іакову... Стереть домъ Израиля съ лица земли было тогда единственной его завѣтной мечтой.

И вотъ, наканунѣ физической борьбы за жизнь и смерть дорогихъ дѣтей, любимыхъ женъ... своего собственнаго „я"; наканунѣ поединка между собою и Исавомъ, поединка двухъ духовныхъ началъ; переживая мысленно всю чреватость этой борьбы и ея исходъ, великое несчастіе и страшную катастрофу, которую принесла бы побѣда Исава надъ Іаковомъ всему міру, всему человѣчеству, въ моментъ всѣхъ этихъ переживаній, Іакова прежде всего и главнѣе всего тревожила мысль:— Не убьетъ ли онъ, Іаковъ, въ этой борьбѣ Исава.

Ибо:—Пролитіе крови, будь она Исава или Іакова, безразлично—страшнѣе всего. Пролитіе крови не оскупается никакими высшими цѣлями.

Таковъ Іаковъ и его потомство. Таково оно органически..

Пораженіе нечестивыхъ.

... Творецъ не радъ пораженію нечестивыхъ.

... Въ тотъ часъ, (когда свершилось величайшее чудо разсѣченія моря, и сыны Изра-

иля пошли среди него (моря) по сушѣ, а погнавшіеся за ними Египтяне утонули) вознамѣрились Архангелы воспѣть хвалу предъ Творцомъ. И сказалъ имъ Господь: Творенія моихъ рукъ тонутъ въ морѣ, а Вы пѣть вздумали.
(Талмудъ. Сеніодринъ 39. Многократно въ Мидрашахъ, Зогарѣ).

Какъ красиво это мѣсто. Свершилось чудо. Но самъ Чудотворецъ лишенъ радости: Египтяне утонули.

Но вѣдь это—Египтяне. Символъ тиранства и варварства... Первые идеологи и поэты крови и мучительства людей... Первые „государственники", возведшіе истязаніе и истребленіе младенцевъ Израиля въ культъ, какъ начало государственной жизни. Для иллюстраціи этого достаточно, изъ безчисленнаго множества „государственныхъ нормъ и обычаевъ по борьбѣ съ сынами Израиля", вспомнить слѣдующія данныя:

„И повелѣлъ Фараонъ всему народу, говоря: всякаго новорожденнаго сына бросайте въ рѣку",
(Исходъ 1,22).

„И стонали сыны Израилевы отъ работы и вопіяли".

Но ужаснѣе работы было другое:

Фараонъ, и безъ того близкій къ смерти, заболѣлъ проказою, а волхвы посовѣтовали ему, какъ лучшее лѣченіе, ванны изъ теплой дѣтской крови, по двѣ ванны въ день. Для этой цѣли закалывали еврейскихъ дѣтей по

два раза ежедневно, утромъ 150 и 150 вечеромъ.

... И замуровали дѣтей Израильтянъ живыми въ стѣнахъ пирамидъ...

(Мидрашъ, Исходъ I, Пирке д'раби Эліазохъ).

Таковы—египтяне.—Къ тому же эта гибель постигла египтянъ не въ видѣ расплаты, а въ моментъ преслѣдованія. Поразить преступника въ моментъ покушенія, дабы вырвать изъ его когтей жертву — это не можетъ не признать даже самый крайній непротивленецъ безусловнымъ благодѣяніемъ, побѣдой добра надъ зломъ. Да главное, кто былъ этой преслѣдуемой жертвой, которая была спасена лишь однимъ чудомъ:—сыны Израиля, которыхъ ожидалъ Синай, Обѣтованная земля, Іерусалимскія врата и Храмъ; народъ Моисея и Пророковъ.

Схема, казалось бы, прекрасная:

Поражены египтяне—зло и насиліе.

Спасены израильтяне—добро и свѣтъ.

Свершилось это въ моментъ покушенія на жертву. Свершилось—чудомъ...

Можно ли себѣ представить большее торжество и праздникъ?..

Но не такова Божья мысль. — Свѣтлость праздника омрачена... Неумѣстна ангельская пѣсня. Трауръ наложенъ на небѣ. На всемъ высшемъ и прекрасномъ лежитъ печать не радости, а печали.—Почему?

Египтяне утонули!

Ибо они творенія Его рукъ...

Таковъ Богъ Израиля.

Таково ученіе, которое принесъ Израиль.

Таковъ Израиль Самъ.

Огорченіе человѣка.

„Когда человѣкъ въ огорченіи, что говоритъ Всевышній.

— Отяготительна мнѣ голова, отяготительна мнѣ десница.

...И если Его такъ печалитъ пролитіе крови виновныхъ (по суду), то, какъ велико огорченіе Его отъ пролитія крови невинныхъ.

(Сеніодринъ 46, а)

...„И очиститъ его отъ согрѣшенія противъ души". (Числа 6, 11)

...И сказалъ Баръ Капоро такъ:

если тотъ, кто ради причиненія себѣ страданія обрекаетъ себя воздержанію лишь одного вина — названъ грѣшникомъ, — то какой же грѣшникъ тотъ, который обрекаетъ себя лишеніямъ вообще...

(Таніосъ 11, а. Маймонидъ, нравы 3а)

Всякое человѣческое страданіе печалитъ Всевышняго. Страданіе—не культъ, а грѣхъ, если оно умышленно причинено себѣ.

Страданія животнаго.

Ужасающія казни, постигшія раби, явились наказаніемъ Провидѣнія за слѣдующій проступокъ:

...Разъ вели тельца одного на убой.
Убѣжалъ онъ и спряталъ голову въ лоно Раби,
Какъ бы ища защиты.
Но раби ему говоритъ:
„Иди, для этой цѣли ты созданъ“.

(Боба Меціа 85, а)

Равноправность всѣхъ людей на землѣ.

Законъ одинъ да будетъ для уроженца и для пришельца, проживающаго среди васъ.

(Исходъ XII. 49).

Уставъ одинъ да будетъ для васъ и для пришельца и для уроженца земли.

(Числа IX. 14).

Собраніе! Уставъ одинъ для васъ и для прибывшаго, уставъ вѣчный въ роды ваши; одинаковъ съ вами бываетъ и пришелецъ предъ Господомъ. Наставленіе одно и законъ одинъ да будетъ для пришельца, проживающаго у Васъ.

(Числа XI, 15, 16).

Нелишне между прочимъ указать на то, что этотъ принципъ равенства нашелъ себѣ мѣсто именно въ главѣ 'пасхальнаго ритуала, что подчеркиваетъ нераздѣльность пасхальнаго ритуала съ названнымъ принципомъ. И пасхальный ритуалъ прежде всего и больше всѣхъ другихъ обычаевъ отличается этимъ признаніемъ равнаго „устава для всѣхъ". Эта „одинаковость" для всѣхъ желающихъ, это одно уже говоритъ за то, что тутъ нѣтъ мѣста какимъ бы то ни было тайнамъ.

„Одинаковость" для всѣхъ, это въ сущности принципъ открытыхъ внутреннихъ дверей, допущеніе всякаго, кто только хочетъ къ соучастію въ отправленіи этого ритуала.

Сочетаемы ли ритуальныя убійства съ допущеніемъ всякаго пришельца, безъ всякаго ограниченія, къ соучастію въ совершеніи этого ритуала.

Отсутствіе кровныхъ и сословныхъ различій.

„Господь любитъ праведниковъ"
— Почему Всевышній любитъ праведниковъ?
— Потому, что они—не сословность и не потомственность. Не родовая аристократія и не кровное дворянство.

Читаемъ: „Когены—домъ";

Левитъ — „домъ", какъ сказано: „Домъ" Аарона, благослови Господа,
„Домъ" Левіинъ..."
...Человѣкъ, если хочетъ быть когеномъ—не

можетъ; быть левитомъ—не можетъ.

Почему?

Потому, что родитель его не былъ когеномъ и левитомъ.

Но если онъ хочетъ быть праведникомъ,—то если даже онъ гой—онъ можетъ сдѣлаться имъ.

Поэтому и сказано:

Боящіеся Господа, благословите Господа.

Не сказано: „домъ“ боящихся..., а—„боящіеся“...

„Боящіеся“—не прикрѣпленные къ „дому“, къ „происхожденію“.

(Мидрашъ числа 8).

* * *

Творецъ не отвергаетъ никакого существа. Всѣхъ принимаетъ. Ворота открыты во всѣ часы.

И кто хочетъ войти—войдетъ.

И такъ сказано:

Откройте ворота и войдетъ праведный гой, Не сказано и войдутъ „Каганы, Левиты, Израильтяне“,—но сказано праведный гой...

(Сафро Акро Мосъ)

* * *

Да будутъ небо и земля свидѣтелями:

какъ гой, такъ и еврей;

как мужчина, такъ и женщина;
какъ рабъ, такъ и рабыня,
каждый въ соотвѣтствіи своимъ благимъ дѣяніямъ воспринимаетъ святой духъ.

(Тоно дебо Эліи гл. 8).

Происхожденіе и сословіе не играютъ никакой роли. „Гойство" не представляетъ собою никакого препятствія.

Іудейство не только не прорывало никакихъ пропастей между народомъ и народомъ, человѣкомъ и человѣкомъ; не только не воздвигало между сынами разныхъ націй и религій преградъ; оно является первымъ активнымъ разрушителемъ всякихъ національныхъ, сословныхъ и исповѣдныхъ преградъ.

Но главная заслуга іудаизма (въ этомъ отношеніи) въ томъ, что онъ устанавливаетъ это безразличіе не только въ смыслѣ права, но и въ смыслѣ—признанія абсолютной цѣнности этого принципа.

Абсолютное внутренное родовое безразличіе—вотъ лейтъ-мотивъ іудаизма. Нѣтъ разныхъ людей въ смыслѣ родовомъ и даже исповѣдномъ. Есть только разныя дѣянія. Цѣнность человѣка обусловливается не его происхожденіемъ, не принадлежностью его къ той или другой религіи,—а его личными дѣяніями.

Но наивысшее свое выраженіе нашла идея родового безразличія въ слѣдующемъ изреченіи:

„Почему человѣкъ сотворенъ единымъ?
— Чтобы человѣкъ не сказалъ человѣку.
мой отецъ выше твоего отца. (Сеніодренъ 37)

Отсутствіе злыхъ людей, какъ злыхъ сущностей.

Въ сосѣдствѣ р. Меира жили нечестивцы, которые всячески огорчали его. И молилъ онъ Всевышняго объ ихъ смерти.

И вотъ говоритъ ему его жена Брура:

— Все твое основаніе (дающее тебѣ право молить Творца, объ уничтоженіи твореній Его рукъ) это стихъ—

„Да исчезнутъ „Хатоимъ“.

Но развѣ сказано; „Хейтимъ“—грѣшники?

Сказано же: „Хатоимъ“—Грѣхи.

Молись объ ихъ исправленіи,

(Брохотъ 10, а).

* * *

Нельзя человѣку молиться о смерти злыхъ людей.

(Загор. Мидрашъ Панеломъ).

Высшая мораль іудаизма идетъ гораздо дальше родового безразличія. Она не только отрицаетъ классификаціи людей по крови. Она не только отрицаетъ раздѣленіе на группы, національности, сословія и т. д. Она отрицаетъ даже раздѣленіе людей, какъ индивидовъ, на добрыхъ и злыхъ. Злыхъ и добрыхъ сущностей нѣтъ. Есть только добро и зло. И всякій человѣкъ въ тотъ моментъ, когда онъ творитъ добро,—есть добрый; а совершая зло, онъ въ тотъ моментъ — злой.

Злыхъ и добрыхъ людей, какъ злыхъ и добрыхъ сущностей—нѣтъ И борьба, даже только духовная, борьба молитвой должна имѣть своимъ объектомъ не злыхъ людей, а зло.

Равно, какъ нужно вести борьбу съ бѣдностью, а не съ бѣдными,—такъ нужно бороться со зломъ, а не со злыми.

Эта мысль повторена много разъ въ еврейскихъ книгахъ, въ разныхъ варіаціяхъ.

Отрицаніе личнаго культа.

Молитва Моисея. Молитва нищаго, страждущаго. (Моленіе обоихъ носитъ одинаковое названіе—„молитва").

...Господь не такъ. Великіе и малые совершенно равны предъ нимъ. Уравнялъ Онъ Моисея, величіе еврейства, съ послѣднимъ нищимъ.

(Ялкотъ Шимони по псалму 102)

„Господь внемлетъ молитвѣ нищаго совершенно одинаково, какъ молитвѣ Моисея.

(Мидрашъ Исходъ)

Отрицаніе личнаго культа,—это одно изъ завѣтнѣйшихъ свойствъ и интимнѣйшихъ чертъ еврейства. „Молитва нищаго и молитва величайшаго изъ евреевъ, Моисея"—одинаково цѣнны для Творца.

Хулиганъ, а не инородецъ или иновѣрецъ.

Среди идеологовъ антисемитизма существуетъ мнѣніе, будто іудаизмъ какъ ученіе и идея, всячески презираетъ не еврея. „Гой“ является яко-бы олицетвореніемъ зла и символомъ нечистоты.

Что это не что иное, какъ грубая ложь,—послѣ предыдущихъ главъ,— совершенно излишне доказывать.

Но все же нельзя отрицать того, что въ еврейскихъ источникахъ кое гдѣ попадаются осудительныя слова и выраженія по адресу „нохри“. Конечно совершенно не такого рода, не такихъ размѣровъ и формъ, какіе рисуютъ гг. Лютостанскіе и Брафманы. Но все же то маленькое, чуждое всякой тенденціи, отрицательное отношеніе къ „нохри“, которое изрѣдка попадается въ источникахъ еврейскихъ,—какъ его понять?. Какъ его примирить съ предыдущими положеніями?.

Дѣло въ сущности обстоитъ ясно и просто.

Объекты трактуемаго отрицательнаго отношенія не представляютъ собою не-евреевъ, какъ таковыхъ, какъ сыновъ другой вѣры и національности. Иначе это, дѣйствительно непримиримо находилось бы въ противорѣчіи съ приведенными основными положеніями Іудаизма, устанавливающими: „абсолютное родовое и національное безразличіе“ — „равноцѣнность всѣхъ людей“, „отрицаніе злыхъ сущностей“, признаніе лишь „безличнаго зла“, отрицаніе не только родового, но даже личнаго культа, признаніе лишь „однихъ дѣяній“.

Есть понятія: доброе дѣяніе, злое дѣяніе. Но нѣтъ понятій: злое и доброе существа.

Такъ что нѣтъ никакой логической возможности допустить, чтобы упомянутыми объектами порицанія явились инородцы, какъ таковые. Нѣтъ. Это--исключительно опредѣленный типъ подозрительнаго субъекта, хулигана, общество котораго опасно въ буквальномъ и прямомъ смыслѣ.

Вотъ маленькая характерная справка о физіономіи этого типа, именуемаго въ талмудѣ „нохри".

> Если еврею „нохри" приходится спутникомъ, онъ устраиваетъ его къ своей правой рукѣ.
>
> Раби Измаилъ говоритъ: „мечемъ" (если нохри носитъ мечъ въ отвѣсъ на лѣвомъ боку)—„Къ своей правой". (Скорѣе замѣтить, если бы нохри пытался мечемъ убить его)—Палкой (если нохри держитъ палку въ правой рукѣ) — къ своей лѣвой (легче обороняться)
>
> Если идутъ (еврей и нохри) въ гору или съ горы,—не долженъ еврей очутиться въ низшемъ (понять буквально) отъ нохри положеніи (трудно при нападеніи нохри обороняться).
>
> И не долженъ еврей нагнуться (буквально) передъ нохри, ибо онъ способенъ размозжить ему черепъ.
>
> Нельзя еврею стричься или бриться у нохри, ибо онъ способенъ убить его.

Нельзя еврею оставаться съ нохри въ укромномъ мѣстѣ, ибо онъ способенъ на кровопролитіе.

Нельзя продавать нохри смертоносныхъ орудій: въ интересахъ общественной безопасности.

(Абада Зори 25-б. Маймонидъ, положенія объ убійцахъ и охраненіи души—12, 7—15).

Вотъ нравственная и житейская физіономія „нохри".

Спрашивается, возможно ли къ нему отношеніе другое, кромѣ отрицательнаго, въ обыденной жизни. И разъ въ жизни, на дѣлѣ,—этотъ типъ терпимъ быть не можетъ,—то его участь не лучше и „на бумагѣ" въ писаніи.

Отсутствіе чрезмѣрной неосуществимой гуманности на бумагѣ за счетъ невыполнимости ея на практикѣ; отсутствіе чрезмѣрнаго изобилія теоретическихъ плюсовъ добродѣтели за счетъ увеличенія ея практическихъ минусовъ,—это одно изъ самыхъ сокровенныхъ и отличительныхъ свойствъ іудаизма.

Поэтому вынужденное отрицаніе въ жизни не могло не найти своего выраженія въ величайшей книгѣ жизни,—которая теперь въ опалѣ .. въ особенности у тѣхъ, которые представленія о ней не имѣютъ,—въ Талмудѣ.

Что единственная причина отрицательнаго отношенія къ нохри,—это его личная испорченость, опасность общенія съ нимъ и т. д., а не вѣра и національность, доказывается и тѣмъ, что приведенными выше

правилами предосторожности уравненъ съ нохри еврей дегенератъ типичный уголовный преступникъ и что еврею съ положеніемъ не нужно придерживаться означенныхъ правилъ, такъ какъ нохри не осмѣлится такому еврею повредить.

(Маймонидъ. Положенія объ убійцахъ и охраненіи души 12).

Ясно, что причина тутъ не въ вѣрѣ и національности, а исключительно въ мотивахъ личной безопасности.

Принципы и жизнь, слово и дѣло.

Благочестивые обѣщаютъ малое, а дѣлаютъ многое; нечестивые обѣщаютъ многое, и даже малаго не дѣлаютъ.

(Б. Меціа 87,а).

Іудаизму совершенно чуждо стремленіе красоваться высокими формулами неосуществимаго идеализма за счетъ дѣйствительной жизни.

Это—одно изъ завѣтныхъ свойствъ іудаизма.

Ему чуждъ на бумагѣ принципъ: „Люби враговъ" Ибо въ жизни, это—неосуществимо.—Это психологическій абсурдъ. „Любовь и вражда"—несоединимыя психическія состоянія. Одно изъ двухъ. Или отрицаніе вражды, или невозможность любви.

Высшая мораль іудаизма стоитъ именно на первомъ принципѣ—отрицанія вражды.

Весьма ясно сказано

Не питай къ брату твоему ненависти въ сердцѣ твоемъ.

(Левитъ XIX, 17).

Но іудаизмъ не только глашатай высокихъ принциповъ, онъ—законодатель, облекающій предначертанные принципы въ конкретныя нормы, примѣнительно къ реальной жизни.

„Тора дана сынамъ Адама, а не Ангеламъ небесъ“.

(Брохотъ 25-б; Іома 30-а; Гахинухъ,1).

Поэтому еврейская юстиція, долженствующая считаться не только съ „богочеловѣческой“ психологіей, а съ реальной, дѣйствительной жизнью, съ „улицей“, нормируетъ отношенія между врагами не любовью, а недѣланіемъ зла. Не только активно, но и пассивно.

„Если увидишь осла врага твоего упавшимъ подъ бременемъ своимъ, то не покидай его, развьючь осла вмѣстѣ съ нимъ.

(Исходъ 23,5).

Если увидишь вола врага твоего, или осла его, заблудившагося, то возврати его къ нему

(Там. 4).

Вотъ каковы положенія. Не приписывается немыслимая любовь къ врагу, а требуется нѣчто реальное, дѣйственное. Не только активно вредить врагу нельзя, но и пассивнаго отношенія къ затруднительному положе-

нію врага іудаизмъ не допускаетъ. Требуется активное участіе къ врагу.

... И это не экстазъ увлекающагося мечтателя-моралиста, а сухой юридическій законъ. Законы „Бога мести“ нормирующіе отношенія человѣка къ своимъ врагамъ.

Но исчерпывающее свое выраженіе нашла эта норма въ извѣстномъ—„Гилелевскомъ лозунгѣ“:

„Не дѣлай другому того, что не желаешь себѣ“.

Еврейству чуждо расхожденіе между словомъ и дѣломъ, между принципами и жизнью.

Превосходство жизни надъ принципами, дѣла надъ словомъ.

Въ сущности іудаизмъ идетъ гораздо дальше нерасхожденія между дѣломъ и словомъ.

У іудаизма жизнь и дѣло не только не уступаютъ принципамъ и слову, но во многихъ случаяхъ жизнь доминируетъ надъ принципами. Вотъ въ высшей степени характерные примѣры.

Въ принципѣ существуютъ четыре рода жесточайшихъ казней за разныя преступныя дѣянія.

На дѣлѣ же:

Синедріонъ, который совершаетъ одну казнь на протяженіи 70-лѣтъ—варваръ...

Если бы мы засѣдали въ Синдеріонѣ, никто никогда не былъ бы казненъ.

(Талмудъ Макотъ. 1, 10).

Юстиція казни обставлена такими условіями, что практически казнь является почти немыслимой.—Укажу на главное и непремѣннѣйшее условіе казни:

Требуется предупрежденіе предъ самымъ совершеніемъ преступленія. — Предупреждающіе должны сказать дословно такъ:—„Отойди отъ грѣха“, или: „Не дѣлай этого, ибо это грѣхъ и карается казнью“... Если преступникъ сказалъ: „знаю, но все таки сдѣлаю“, онъ все же еще не подлежитъ казни.

Подверженъ онъ казни при томъ единственномъ условіи, если онъ возражаетъ такъ: „Все таки совершу, потомъ казните“.

Между предупрежденіемъ и совершеніемъ преступленія никакого промежутка времени не должно быть.

(Сеніодринъ 72,81, Маймонидъ Сеніодринъ 12 2).

Осуществимо ли такое условіе:

— Въ иныхъ случаяхъ поставлены такія условія, которыя ясно разсчитаны на безусловную невозможность въ дѣйствительной жизни. Напр.: Существуетъ законъ о строптивомъ сынѣ (бен сорер и море), караемомъ смертной казнью. Но при этомъ требуется:

„Чтобы звукъ голосовъ отца и матери былъ одинаковъ“.

А такая звуковая тождественность голосовъ является въ свою очередь

„вѣрнѣйшимъ симптомомъ врожденной неспособности къ дѣторожденію“.

(Сеніодринъ 71)

Ясно, что законодатель имѣлъ въ виду учредить институтъ казней какъ то, только на бумагѣ. Теоретически. Для устрашенія. Въ жизни это совершенно немыслимо.

И такъ, къ высокимъ отличительнымъ свойствамъ іудаизма принадлежитъ и эта удивительная черта: „превосходства дѣла надъ словомъ“.

...Законъ суровѣе практики,—поэтому возможенъ. Практика суровѣе закона—поэтому невозможна.

Покуситель и святость его крови.

...Всѣ обязаны спасать преслѣдуемаго отъ преслѣдующаго...

Исчерпать раньше всѣ другія средства, способныя парализовать покушеніе...

Начать съ удара, легкаго пораненія и по мѣрѣ необходимости, диктуемой обороной, перейти къ болѣе тяжкому парализующему средству, до лишенія его... органа...

Къ убіенію же его прибѣгнуть лишь по тщетномъ истощеніи всевозможныхъ другихъ надлежащихъ средствъ.

(Сеніодринъ 49, 74; Б. Камо 28.
Маймонидъ „Роцеахъ“ 1, 7)

* * *

Лишившій жизни покусителя при возможности спастись лишеніемъ его одного только органа и т. д.,—есть убійца, и подлежитъ смертной карѣ отъ Бога.

(Сеніодрн. 74; Маймонидъ Тал. 1, 9)

До того доходитъ безусловная святость крови и права человѣка на бытіе, что къ жизни покушающагося въ самый моментъ покушенія требуется такая осторожность...

Я и Ты.

...Двое были въ пути, а въ рукахъ одного изъ нихъ —кувшинъ воды. Если оба будутъ пить,--оба умрутъ (мало воды).

Одному же хватитъ воды. (Какъ велитъ поступать справедливость),

Бенъ Птура говоритъ:

„Лучше обоимъ пить и обоимъ умереть, чѣмъ одному пить и видѣть (причиненную имъ) смерть ближняго.

Раби Акива же говоритъ: „Собственная жизнь важнѣе жизни ближняго".

(Б. Меціа 62, а).

Къ руководству. „Принято мнѣніе Р. Акивы". Принципъ: „собственная жизнь важнѣе" примѣнимъ лишь тогда, когда трактуется о равной нуждѣ, о предметѣ, одинаково, жизненно необходимомъ, какъ для тебя, такъ и для

твоего ближняго, какъ напр., въ упомянутомъ казусѣ о водѣ, когда рѣчь идетъ о жизни и смерти обоихъ.

Но при неравныхъ нуждахъ, преимущество не на сторонѣ собственнаго „я" предъ ближнимъ, не на сторонѣ обладателя даннаго предмета, дающаго предъ берущимъ, а преимущество исключительно на сторонѣ большей нужды".

Сначала нужно удовлетворить большую нужду, а потомъ—меньшую, несмотря на то, что представитель меньшей нужды,—это самъ ты, собственникъ, обладатель, дающій; а представитель большей нужды „онъ", никакого права на данный предметъ не имѣющій,—берущій. Напр.

„Тебѣ, обладателю и твоему ближнему, бѣдному нуженъ хлѣбъ. Нужда одинакова. Ты на положеніи: преимущественномъ.

Или: „тебѣ и ближнему нуженъ одинаковый по необходимости предметъ роскоши",—опять ты на положеніи преимущественномъ.

Но, если бѣдному нуженъ насущный хлѣбъ, или дрова и одежда зимою, а тебѣ, мясо и рыба,—тогда уже онъ, бѣдный, на положеніи преимущественномъ.

„Принципъ": „своя жизнь ближе" непримѣнимъ при неравныхъ жизненныхъ нуждахъ. (см. Недоримъ 80)

(2-ой томъ Танія, священное писаніе 16 отъ родоначальника хасидизма, З. Б. Шнеерсона.)

Нельзя себѣ справлять сюртукъ, когда у бѣднаго нѣтъ хлѣба; себѣ — мебель, когда у другого нѣтъ сюртука и т. д.

Жизнь и законъ.

Всѣ религіозные законы отступаютъ предъ вопросомъ о спасеніи человѣческой жизни.

Характерно въ высшей степени то, что не требуется для этого спасенія.

Достаточно самаго крайняго минимума вѣроятія спасенія, чтобы во имя его нарушить всѣ (кромѣ трехъ. См. ниже) религіозные законы.

И достаточно, чтобы объектъ спасенія былъ новорожденный, получасовой ребенокъ. И достаточно, чтобы рѣчь шла не только объ окончательномъ спасеніи даннаго объекта, а даже лишь о продленіи уже сочтенныхъ минутъ его жизни...

И ради крайняго минимума вѣроятія продленія минутъ жизни такому человѣку нарушаются всѣ законы религіи.

И совершить оныя нарушенія не только можно, не только является правомъ, но:

„первѣйшей обязанностью всякаго еврея“.

И не только совершенно отказывающійся отъ означенныхъ дѣяній, но и—медлящій въ ихъ исполненіи или затрудняющійся и все вопрошающій: „можно ли то или это", (когда дѣло идетъ о спасеніи жизни человѣческой)—есть убійца.

Ибо тезисы и законы Торы составляютъ ничто иное, какъ: „милосердіе и состраданіе"... И тѣ, кто говорятъ, что это — (нарушеніе субботы ради больного) преступное нарушеніе субботы,

— про нихъ сказано:

...„Учрежденія—недобрыя и постановленія. отъ которыхъ они не могли бы жить".
(Іезекіиль 20, 25)

(Іома 83, 84; Шаботъ 128; Хулинъ 15: Маймонидъ Шаботъ 2; Маймонидъ Шевитатъ Осоръ 2; Шулханъ Арухъ Орахъ Хаимъ 328)

Вотъ каково отношеніе іудаизма къ праву человѣка на бытіе. Нѣтъ священнѣе жизни человѣческой.

Святость собственной жизни.

Если насильникъ предлагаетъ тебѣ на выборъ: совершеніе любого религіознаго грѣха или смерть, совершай тогда вынужденный грѣхъ и не подвергай себя убіенію (кромѣ случаевъ, когда рѣчь идетъ о трехъ первородныхъ грѣхахъ (см. ниже).

(Маймонидъ Іоседе Гатора, 5)

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сказано: совершай данный грѣхъ, и не подвергайся убіенію,— если человѣкъ переусердствовалъ и предпочелъ убіеніе нарушенію закона,—онъ отвѣчаетъ на страшномъ судѣ за свою собственную кровь..

(Тамъ 5, 7)

Святость жизни превосходитъ право человѣка надъ самимъ собою.

Обязательное самопожертвованіе.

...Если насильникъ предлагаетъ тебѣ на выборъ: смерть, или совершеніе одного изъ слѣдующихъ трехъ грѣховъ:—Измѣна Богу, прелюбодѣяніе, человѣкоубійство,—то обязательно жертвовать собою и не совершать ни одного изъ означенныхъ трехъ грѣховъ.

(Тамъ 5, 1)

Вотъ на какихъ жертвенникахъ приноситъ Израиль свою жизнь въ жертвы.

— Итакъ, если насильникъ ставитъ дилемму:— Убей.—иначе я тебя убью, человѣкъ долженъ отдаваться палачу въ руки, а не убивать другого. Не покупать себѣ жизнь цѣною крови другого человѣка.

Человѣкъ равенъ вселенной.

„Женщины, которымъ насильники ставятъ на выборъ“: Или дайте намъ „добровольно“

одну по выбору (вашему) изъ Васъ на... поруганіе. Или, иначе, всѣхъ Васъ осквернимъ.— всѣ подвергаются одной участи.

И не передаютъ имъ одной души (въ качествѣ выкупа за всѣ).

(Мишна Трумосъ 8. Маймонидъ Іосодей Гаторы 5, 5).

Ибо въ правѣ нѣтъ одного и многихъ. Нѣтъ количественнаго различія.

— Но наивысшее свое выраженіе нашелъ этотъ основной тезисъ іудаизма въ краткой, но очень глубокой формулѣ:

„Убійца одной души равенъ убійцѣ всей вселенной. (Сеніодрн. 37).

Уничтоженіе одной души равно уничтоженію всѣхъ шести дней мірозданія.

(Авотъ Драби Натанъ).

Эти краткія и лаконическія п[illegible]женія составляютъ великій принципъ: отрицаніе разницы между единственнымъ и множественными числами въ отношеніи права человѣка на жизнь.

Мать и новорожденный

...Но съ момента появленія наружу головки (новорожденнаго), нельзя дотронуться до него въ смыслѣ поврежденія,—хотя бы отъ этого зависѣла вѣрная жизнь и смерть мате-

ри. — Ибо: — не свергаютъ одну жизнь ради спасенія другой. Таково естество міроздания. (Мишна Оголотъ 7; Маймонидъ Роцеахъ 1, 9).

Равенъ въ правахъ на бытіе новорожденный своей матери. Съ момента „появленія головки наружу" рождается право человѣка. И это право абсолютное. Равно право этой „головки" праву великаго изъ великихъ. „Жизнь новорожденнаго не мѣняется на жизнь матери семьи"... Предъ нами тутъ два рода жизни. Одна—созидательница. Другая—созданье первой. Послѣдняя превращается въ палача первой... Палачъ—невольный, невинный, безсознательный, но все же палачъ... Столкновеніе „куска мяса", съ полной жизнью, съ человѣкомъ, съ матерью семьи. Казалось бы, столкнуть это „ничтожество" съ пути жизни матери. Уничтожить лучше рождающееся дитя, для кого самыя страшныя душевныя страданія, вызванныя отъ перехода бытія къ небытію, ужасы борьбы жизни со смертью—существуютъ. Лучше отослать въ небытіе того, кто оттуда только что появляется и одной ногой еще стоитъ тамъ. Но возрастъ, полезность, важность и сознательность обѣихъ изъ сталкивающихся жизней — тутъ не при чемъ, по смыслу іудаизма.

Ни количество, ни качество—не суть критеріи цѣнности бытія и его правъ. Есть лишь бытіе, бытіе человѣка, начинающееся съ момента появленія головки за чертою материнской утробы...

Бытіе всякаго—самодовлѣющая святыня, и нельзя мѣнять одну жизнь на другую.

„И нельзя свергнуть душу рождающагося во имя спасенія его матери“.

Библейская война.

> Приставники же пусть объявятъ народу, говоря:
>
> Кто построилъ новый домъ...
>
> Кто посадилъ виноградъ...
>
> Кто обручился съ женою и не взялъ ее... пусть идетъ и возвращается домой...
>
> И еще пусть объявятъ приставники народу и скажутъ:
>
> Кто боязливъ и робокъ сердцемъ—пусть идетъ домой.
>
> (Второзаконіе 20, 5—8).
>
> Это объявленіе дѣлается два раза. Полководцемъ на общемъ смотру. И глашатаями наканунѣ самаго похода. (Сота 43; Маймонидъ Цари 7—37).

Оцѣнилъ ли мыслящій міръ моральную красоту этого простого и естественнаго положенія?... Остановилось ли вниманіе міровой мысли на той глубокой и безподобно естественной справедливости, которыя представляютъ собою учрежденіе библейской войны?... „Кто не желаетъ участвовать въ бою,—пусть идетъ домой“

Это не только отрицаніе понудительной воинской повинности, но отрицаніе принудительнаго участія сол-

датъ, уже вступившихъ въ ряды, въ войну. И до чего доходитъ это отрицаніе, какой искренностью оно дышитъ. Два раза предупреждаютъ идущихъ уже въ бой: „Кто не желаетъ пусть уйдетъ“. Да, достаточно одного „не желать“. Это ясно, хотя выраженія: „не желаетъ“ нѣтъ въ перечнѣ освобождающихъ льготъ. Но разъ провѣрки льготъ нѣтъ. Медицинскаго діагноза о сердечной робости нѣтъ. Не требуется даже заявленія по начальству о выбываніи изъ строя... Ясно, что представляется всякому безграничная возможность уйти. Стоитъ только пожелать. За непровѣренными предлогами недостатка не будетъ. Больше того. Самыя условія льготъ созданы исключительно для... предлога. Чтобы нежелающій не стѣснялся предъ сотоварищами уйти, и дана ему возможность прикрыться однимъ изъ означенныхъ предлоговъ. Тутъ ужъ не только отрицаніе принудительности, а нѣчто гораздо большее. Тутъ — предупрежденіе всякаго моральнаго давленія на участіе въ войнѣ. И какое тонкое предупрежденіе.

Быть можетъ, имярекъ въ сущности не желаетъ воевать, но не уходитъ исключительно изъ ложнаго стыда,—вотъ и созданы предлоги. Уходи подъ предлогомъ, если такъ стѣсняешься. Безъ доброй, свободной, искренней своей воли,—человѣкъ не воюетъ. Таково учрежденіе библейской войны.

Всякая война—не идеалъ. И не намъ это говорить библіи,—матери идеи уничтоженія войнъ; той, которая провозглашала: „И перекуютъ мечи на сошники“, „и не подниметъ народъ на народъ меча“. Конечно,

Библейская война не идеальнѣе мира. Но и во злѣ есть степени. Есть меньшее и большее зло. И идеальнѣйшій изъ всѣхъ видовъ войны, это—библейскій.

Помимо того, что библейская война — никогда не агрессивна, не убійство и варварство, прикрытыя разными измышленными предлогами и фиговыми листками.

Она—исключительно борьба со зломъ.

Борьба за поруганную справедливость, за попранную правду.

Таковы войны съ Амолокомъ, Гаманомъ, Авраама съ царемъ Содома. Но прообразъ библейской войны, это—„Пилегешъ Бегиво“ (братоубійственная война, возникшая на почвѣ гнуснѣйшаго глумленія надъ виѳлеемской женщиной — Судьи 19). Но помимо того, главная черта учрежденія библейской войны это—отсутствіе обычая посылать людей, помимо ихъ свободной, искренней воли убивать другихъ и быть убитыми. Нѣтъ такого права надъ людьми. Каждый идетъ исключительно по своей волѣ.—

„Я или ты“—лозунгъ каждаго изъ борющихся.

Каждый рвется въ бой. Не посланный кѣмъ-либо, не дѣйствующій по чужому желанію.—Не объектъ, а субъектъ.

Добычей поэтому прежде всѣхъ пользуются прямые и непосредственные участники войны.

И компенсація павшему воину за его кровь, за бытіе, за одинокую темную агонію, за ужаснѣйшую смерть, — не въ томъ, что оставшіеся въ живыхъ заживутъ лучшей жизнью... Уничтоженіе одной жизни для блага

другихъ (одной или многихъ—это безразлично) совершенно чуждо еврейству.

Компенсація принадлежитъ самой жертвѣ.

„Ее ожидаютъ высшія сферы райской жизни“.

(Маймонидъ Царь 7, 15).

И это, въ сущности единственное справедливое оправданіе библейской войны (см. ниже: „Жертвы во имя Бога“).

Вся Тора.

...И пришелъ одинъ римлянинъ къ Шамаю, и сказалъ ему:

— Обрати меня въ Іудейство, но съ тѣмъ, чтобы ты научилъ меня всей Торѣ, стоя на одной ногѣ. И оттолкнулъ его Шамай.

И пришелъ онъ къ Гилелю... (съ этимъ же предложеніемъ)

И сказалъ ему Гилель:

„Не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ“.

„Вотъ вся Тора“. „Все прочее лишь одни объясненія“.

(Шаботъ 31 а).

Да, вся Тора. Вся исчерпана въ этой краткой формулѣ. И нечего прибавить къ ней... Нѣтъ того положенія и той нормы справедливости, которыя не были бы поглощены этой краткой формулой. Тутъ не мѣсто много распространяться объ этомъ. Но доста-

точно оглянуться назадъ, на всѣ приведенныя положенія и перебрать ихъ въ умѣ. Какое изъ нихъ не поглощается этой формулой.

Никакого насилія надъ другимъ во имя чего бы то ни было. Никакого раздѣленія людей на первыхъ и вторыхъ. Никакого качественнаго и количественнаго различія. Никакой жертвы однимъ ради другихъ. Нѣтъ отправки людей на убой помимо ихъ собственной воли. Все это немыслимо. Ибо ты не пожелалъ бы этого самому себѣ.

Примѣръ еврейскаго альтруизма.

> ...Яковъ возлюбилъ меня великой любовью. И боялась я, что отецъ мой подмѣнитъ меня сестрой, и передала возлюбленному моему примѣты и знаки, чтобы узнать меня. Но когда время подошло, и я предчувствовала, что подмѣнъ состоится, я пересилила любовь свою и передала сестрѣ оные знаки, чтобы она не... осрамилась,
>
> (Мидрашъ. Психта Эйха).

Предъ нами олицетвореніе самой любви. Душа къ душѣ, сердце къ сердцу влечетъ: Влеченіе небесное, божественное. Но вотъ явилась страшная боязнь, страшная и отвратительная. Предатель готовится подмѣнить ее сестрой, похитить ея жертвенникъ, ея кумиръ, ея душу... Но счастливая мысль осѣнила ее, и вопіющее кощунство было предотвращено. Былъ установленъ... шифръ и знаки. И когда дьявольскій

планъ совершился, она сама идетъ и передаетъ эти самые предупредительные знаки соперницѣ, чтобы она... не осрамилась. Чувство состраданія перевѣсило эгоистическое чувство любви...

...Когда Рахиль узнаетъ, что отецъ, на брачное ложе пошлетъ не ее, а сестру, и сестрѣ грозитъ посрамленіе, пошла Рахиль, и открыла шифръ сестрѣ, соперницѣ.

Ограбленъ храмъ. Похищенъ жертвенникъ съ тлѣющимъ еще въ немъ огнемъ. Но ключи остались у ограбленной. Безъ ключей входъ въ святая святыхъ невозможенъ.

Но ограбленная жрица, не посылаетъ соперницѣ и измѣннику ни крови, ни разрушенія, ни мести... Она отдаетъ ключи отъ святая святыхъ соперницѣ. Ибо, иначе—Сестра, соперница, осрамилась бы.

Вотъ родоначальница израильтянъ.

Идеалы еврейства.

И перекуютъ мечи свои на сошники и копья свои на серпы; не подниметъ меча народъ на народъ и не будетъ больше упражняться въ войнѣ.

(Исайя 2, 4; Михей 4)

Не слава еврейскаго оружія. Не національныя побѣды. Не развѣвающееся знамя Израиля на всѣхъ портахъ. Но уничтоженіе самаго явленія побѣды. Уничтоженіе военной науки, военнаго упражненія.

Уничтоженіе самаго предмета оружія. Вотъ идеалъ еврейства.

Больше того:

> И не будутъ болѣе учить другъ друга и братъ брата..., ибо всѣ они, отъ мала да велика, будутъ знать меня. (Іеремея 31, 33).
>
> ...Не будутъ дѣлать ни зла, ни вреда... потому что земля будетъ такъ наполнена знаніемъ Господа, какъ морское дно покрыто водою.
>
> (Исайя 11, 9).

Не только отсутствіе физическаго и матеріальнаго превосходства одного надъ другимъ, того превосходства, одинъ фактъ существованія котораго является почвой для насилія человѣка надъ человѣкомъ. Но и духовнаго различія между человѣкомъ и человѣкомъ не будетъ. Не будетъ большаго и меньшаго. Не будетъ слабаго и сильнаго. Не только физически и матеріально, но и духовно. Ибо всякое превосходство человѣка надъ человѣкомъ создаетъ возможность для господства одного надъ другимъ.

Всякое различіе, неравенство между людьми, будь оно матеріальное или моральное, невольно создаетъ дѣленіе людей на разряды. А идеалъ еврейства: Абсолютное равенство. Не только правовое, но и моральное, умственное, духовное. Равноцѣнность абсолютная.

Два основныхъ положенія.

Всѣ приведенныя мысли, какъ вся юстиція и мораль вообще, обязаны своимъ происхожденіемъ двумъ первоначальнымъ положеніямъ іудаизма:

Воззрѣнію іудаизма на человѣка и на вселенную.

Идеалу абсолютной (естественной) справедливости, составляющей корень всей еврейской морали.

„Всякій человѣкъ не одинъ, а единъ, единствененъ, а въ этомъ все".

„Всякій—исключительный и абсолютный хозяинъ своего „я" Ни одно „я" не находится во власти другого „я"

Все остальное вытекаетъ изъ этихъ двухъ началъ. Ибо если человѣкъ—единъ—все, его уничтоженіе не можетъ ничѣмъ быть оправдано, искуплено. Если человѣкъ единъ,—немыслимо раздѣленіе на классы. Не можетъ быть количественнаго и качественнаго различія. И конечный идеалъ такого міровоззрѣнія, не можетъ не составлять абсолютнаго равенства всѣхъ, отсутствія даже духовнаго превосходства одного надъ другимъ. Ибо если человѣкъ единственен,—нѣтъ уже общаго баланса, всему человѣчеству. Потеря одного не можетъ покрываться даже спасеніемъ другого. У каждаго совершенно отдѣльный міръ. И религія, ведущая къ совершенному счастію человѣка, не можетъ не видѣть своего конечнаго идеала въ абсолютномъ равенствѣ. Иначе, низшій не будетъ совершенно счастливъ. И міръ будетъ несчастливъ Ибо несчастіе одного не покрывается счастіемъ другого.

Если всякій—абсолютный и исключительный хозяинъ своего „я“, немыслимо уничтоженіе одного „я“ ради другого. „я“. Нѣтъ жертвы человѣка человѣкомъ во имя чего бы то ни было.

* *
*

... Но въ сущности положеніе „каждый—все“ неразрывно связано съ идеей естественной справедливости: „каждый—хозяинъ своего „я“. И если каждый хозяинъ своего „я“,—то онъ и единственъ въ мірѣ.

Для іудаизма, базирующаго исключительно на справедливости,—неоцѣнима эта мысль.

Хозяинъ—Все.

Понятіе о количествѣ, различіи между меньшимъ и большимъ числомъ,—между однимъ и многими,—является въ сущности выраженіемъ лишь внѣшняго отношенія къ разсматриваемымъ предметамъ, отношенія обладателя къ своей собственности, хозяина къ своимъ вещамъ, зрителя къ зримымъ имъ предметамъ.

Именно для нихъ два больше чѣмъ одинъ, три чѣмъ два и т. д.

Но есть другое отношеніе къ предметамъ. Это—отношеніе самого предмета къ себѣ. Не отношеніе хозяина, зрителя,—къ хозяйской вещи, а отношеніе внутреннее. Тутъ уже не существуетъ качественнаго количественнаго отношенія, различія между большимъ и меньшимъ. Всякій въ отношеніи самаго себя не балансируется, первымъ, вторымъ третьимъ; всякій сознаетъ себя единымъ...

У себя „онъ“ не подвергается количественному измѣненію. Онъ—„все“, потому что—„единъ“.

Количественному различію подлежатъ лишь такіе предметы, которые не составляютъ частицы личнаго „я“, которые служатъ средствомъ къ чему нибудь, а не являются самоцѣлью.

Все значеніе, и вся суть этихъ предметовъ сводится исключительно къ той дозѣ пользы, которую они приносятъ своему хозяину. А польза отъ многихъ больше, чѣмъ отъ одного.

Скотоводъ жертвуетъ однимъ воломъ ради сохраненія другихъ, многихъ воловъ.

И это совершенно правильно. Не только съ хозяйской точки зрѣніи. Вѣдь здѣсь не вопросъ о бытіи или небытіи воловъ. Вся сущность бытія вола, не только даннаго, но всякаго вола заключается исключительно въ той пользѣ, которую онъ приноситъ своему владѣльцу.

Сущность вола въ томъ, что онъ—„вещь“, вещь хозяина... и вопросъ о правѣ на его жизнь рѣшается исключительно съ точки зрѣнія интересовъ хозяина, человѣка.

И, конечно, здѣсь въ сущности не вопросъ объ одномъ или о многихъ волахъ, а вопросъ о хозяинѣ.

Не учетъ воловъ, а учетъ прибыли и убыли. Дѣло не въ волахъ, а въ извлекаемой изъ нихъ выгодѣ для хозяина. Поэтому, вола убиваютъ, уничтожаютъ, не только въ интересахъ другихъ воловъ,—чего въ реальной жизни совсѣмъ не бываетъ,—но и ради чего

угодно, изъ любого интереса, или разсчета, ради удовольствія и всякаго каприза.

Еще одно соображеніе. Хозяинъ, человѣкъ, вправѣ, (съ хозяйской точки зрѣнія) убить даннаго вола, только потому, что онъ правоспособенъ убить--всѣхъ воловъ. Не имѣя права убить всѣхъ воловъ, онъ не имѣлъ бы право убить одного... Ибо--исходная мысль таква, что „волъ можетъ быть убитъ". по „хозяйскому" желанію.

Для хозяина вѣдь многіе больше чѣмъ одинъ.—А для котораго многіе больше, чѣмъ одинъ, для того и всѣ могутъ составлять меньшее чѣмъ, что либо другое.

Чѣмъ является это „что то", интересомъ ли высшаго порядка или пустымъ капризомъ, — это въ данномъ случаѣ совершенно безразлично. Важно положеніе: что всѣ наравнѣ съ однимъ могутъ быть убиты, уничтожены—по хозяйскому желанію.

Но все это логика и справедливость „мясника" Волъ самъ себя цѣнитъ совершенно иначе. Онъ—для себя—не первый, не второй и не третій, годный или не годный, одинъ изъ многихъ, безъ котораго и съ которымъ--совершенно одинаково, а единый, а потому и... Все.

Человѣкъ. Одинъ. Единъ. Все.

Но если еще не рѣшенъ вопросъ, какъ должно быть разсматриваемо бытіе вола, то относительно бытія человѣка не можетъ быть и самаго вопроса такого.

Жизнь человѣка, ни въ коемъ случаѣ, не составляетъ чьей нибудь вещи.

И разъ такъ, разъ нѣтъ обладателя чужой жизнью и нѣтъ человѣка который не былъ бы исключительнымъ и абсолютнымъ хозяиномъ своего „я",—то естественно:—Нельзя себѣ представить жизни во владѣнiи кого бы то не было.

Есть только единая жизнь единаго человѣка. Нѣтъ больше. Нѣтъ меньше. Нѣтъ человѣка — средства. Нѣтъ—человѣка—цѣли... Всякiй—самоцѣль.

Мiръ, всесущее, всебытiе, раздѣляются у всякаго человѣка на двѣ части:

1) „Я".

2) Все и всѣ остальные...

Утрата самаго дорогого, прекраснаго близкаго существа,—какъ бы ни былъ великъ ударъ, какъ бы ни было страшно горе,—но не „все" еще потеряно... Не „все" уничтожено. Одна только есть утрата,—уничточтоженiе „всего". Такая утрата—единственная въ мiрѣ. Она бываетъ совершенно непримѣтна. Большого значенiя не имѣетъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ она, исключительно она составляетъ утрату „всего". Это—утрата своего маленькаго, незамѣтнаго „я".

При этомъ:—Одно ли это „я" умерло или вся вселенная съ нимъ вмѣстѣ умерли,—совершенно одинаково для него.

Безралично ему, если осталась послѣ него. И равно ему, осталась ли вселенная послѣ него или вмѣстѣ съ нимъ ушла въ пропасть небытiя.

Всякій сознаетъ, что общество, нація, человѣчество, исторія выше личностей, жизни и смерти тѣхъ или другихъ индивидовъ, будь они воплощенная геніальность, героизмъ, совершенство.

Гораздо важнѣе выигрышъ военной кампаніи, чѣмъ единичная жизнь того или другого генерала. И гибель цѣлой арміи всегда большій ужасъ, большее несчастіе, большая катастрофа, нежели гибель одного человѣка... Такъ мыслятъ всѣ. И при столкновеніи личности съ общественнымъ интересомъ, человѣкъ всегда выбираетъ послѣднее.

Все это правильно, логично и красиво. Меньше однимъ „актеромъ" или больше однимъ „актеромъ".— „сцена" жизни совершенно одинаково будетъ существовать. Картина бытія отъ этого не измѣнится.

Это—такъ. Но только все это такъ для „зрителя". для „третьяго лица". Для оставшихся въ живыхъ. Для взирающаго на прибывающихъ въ жизнь и выбывающихъ изъ жизни, какъ на чужихъ, остальныхъ, прочихъ, существованіе и исчезновеніе которыхъ не имѣетъ для него непосредственнаго значенія.

Но такъ ли это для „перваго лица", для самаго выбывшаго? Не различенъ ли исходъ войны только для тѣхъ, для кого выбывшій изъ строя генералъ или солдатъ составляютъ лишь случайный эпизодъ? Но для него, для этого генерала или солдата, выбывшаго изъ строя, выиграна ли эта война. И не всѣ ли войны имъ проиграны. Не все ли для уничтоженнаго бытія перестаетъ существовать.

Ни общество, ни государство, ни нація, ни человѣчество, ни небо, ни земля. Нѣтъ счастія. Нѣтъ трагедіи. Больше ничего нѣтъ.

Себя, всего „я", человѣкъ всегда видитъ не среди безразлично для общества выбывающихъ людей, а въ числѣ живыхъ. Такъ всегда человѣкъ смотритъ на себя, даже когда онъ самъ этого не сознаетъ. Таковъ завѣтный инстинктъ бытія. Поэтому вѣчность человѣкъ всегда видитъ въ обществѣ, націи и т. д.

Но, въ сущности, это—философія только „третьихъ лицъ", „зрителей". Для нихъ личность умираетъ, исчезаетъ, а общество, цѣлое безсмертно, вѣчно. Сама же личность говоритъ:

— Все кончается моей, не замѣтной для безпредѣльной вселенной, кончиной. Все исчезаетъ съ исчезновеніемъ моего маленькаго „я"

* * *

Основной принципъ міровоззрѣнія іудаизма нашелъ свое высшее выраженіе, кромѣ учрежденія библейской войны, кромѣ законовъ о столкновеніи десяти жизней съ одной, рождающагося со своей матерью, въ упомянутой, краткой, ясной и мѣткой формулѣ:

„Гибель одного равняется гибели всей вселенной... всѣхъ дней мірозданія".

* * *

Это ведетъ свое происхожденіе отъ первой заповѣди, отъ „отрицанія рабства". Нѣтъ раба и слѣдовательно нѣтъ господина. Всякій человѣкъ исключительно свой. Нѣтъ поэтому двухъ жизней во владѣніи

одного. Всякій—единъ, а потому и составляетъ все.

* *
*

Человѣкъ—самодовлѣющая святыня.

Человѣкъ—цѣль всего бытія.

Нѣтъ различія между однимъ и милліардами людей въ отношеніи права на бытіе.

Нѣтъ болѣе одной собственной жизни во владѣніи человѣка.

Есть только—единица. Много отдѣльныхъ единицъ. Много отдѣльныхъ другъ отъ друга міровъ. Общественная жизнь цѣнна не какъ фетишъ; она имѣетъ высокое значеніе для членовъ общества, для индивидовъ. Жизнь—индивидуальна, едина.

Комбинація съ кровью.

Возможна ли послѣ этого комбинація съ кровью?

Кто можетъ простить эту кровь.—Только тотъ, чья кровь пролита. Но для него уже нѣтъ того, что могло бы компенсировать эту кровь. Его нѣтъ—и ничего нѣтъ. Кто же кромѣ самого этого уничтоженнаго бытія, единственнаго хозяина этой крови, правомоченъ выдать „платежную росписку" въ полученіи удовлетвореніи за эту кровь? Близкіе, дорогіе?.. Но при чемъ тутъ они... Кровь—„его". Кромѣ него никто не можетъ ее ни простить, ни продать. Для того, кто въ могилѣ, компенсаціи не существуютъ: ничего нѣтъ. Тѣ, кто надъ могилой—не хозяева надъ этой погубленной жизнью.

Институты человѣческихъ жертвъ.

Чѣмъ питается институтъ человѣческихъ жертвъ, въ чемъ его моральное начало, какова его идеологія? Основной принципъ этого института—„жертва личности для блага общаго". Основной идеей этого института является мысль о существованіи разницы между единственнымъ и множественнымъ числомъ,—между жизнью и жизнями.

...Но не вырываетъ ли отрицаніе количественнаго различія почву изъ-подъ этого жертвенника... Если одинъ равенъ всему мірозданію, если уничтоженіе одного равняется уничтоженію всего бытія, то какъ немыслима жертва всѣми людьми, всѣмъ мірозданіемъ во имя чего бы то не было, точно также недопустимо жертвовать одной жизнью, однимъ человѣкомъ.

Жертвы во имя Бога.

А библейскія войны?

Этотъ вопросъ невольно возникаетъ послѣ всего изложеннаго. Отвѣтъ на него очень простъ и очень кратокъ, потому что онъ—безусловно вѣренъ.

Библейскія войны, въ сущности, относятся къ категоріи религіозныхъ самопожертвованій. Сожженіе на религіозномъ жертвенникѣ не есть уничтоженіе всего бытія, а наоборотъ—переходъ къ лучшей, вѣчной и прекрасной жизни.

Прекращеніе земной жизни для человѣка религіознаго знаменуетъ не уничтоженіе всего дѣйствительно сущаго, а лишь:

— Конецъ псевдо-бытія, мнимо-сущаго. И начало дѣйствительнаго, вѣчнаго и прекраснаго бытія.

Не принести себя въ жертву во имя Бога,—это мало назвать аномаліей. Весь смыслъ и все оправданіе земного бытія по всякой религіи состоитъ исключительно въ томъ, что оно—этапъ къ будущей, абсолютной жизни; къ вѣчности, къ совершенству и прекрасному. „Преддверіе къ салону“—„земля къ небу, по образному выраженію еврейской теологіи.

Когда вѣрующему предстоитъ выбирать между вѣчностью, жизнью боговъ и часомъ низменной, мелкой, слякотной жизни земли,—колебанія невозможны.

Конечно отдать минуту за вѣчность...

Пусть эта минута—ужасна. Пусть это минута агоніи и смерти.

...Будни, униженія, грязь и страданія за праздникъ вѣчности, за совершенство, отдать, наконецъ,—средство за цѣль...

Но отдать такую цѣль за средство,—какая нелѣпость...

Къ этой категоріи жертвъ относятся и Библейскія войны.

Это—жертвы религіи, Бога.

Паденіе, поэтому, воина на полѣ битвы, по библіи, не составляетъ уничтоженіе его бытія, а—вознесеніе въ высшія сферы рая.

Лишнее объясненіе.

Что трактуемыя жертвы жизнью, не представляютъ собою человѣческихъ жертвоприношеній,—не только излишне, но и стыдно объяснять... Но да будетъ оправданіемъ то, что мы живемъ во дни такого искаженія правды, и фактовъ, что мыслимо даже ритуальное обвиненіе и аргументація въ его пользу. Поэтому, приходится объяснять.

— Жертвоприношеніе языческаго типа, приносимое Богомъ въ качествѣ подношенія, или, точнѣе и проще выражаясь, въ качествѣ „взятки", противно всякой религіи, достойной носить это высокое имя; тѣмъ болѣе іудаизму, говорящему: „Когда человѣкъ въ огорченіи, Богъ говоритъ: „Тягостна мнѣ голова, тягостна мнѣ десница", іудаизму, который первый объявилъ человѣческое жертвоприношеніе смертнымъ грѣхомъ.

Но рѣчь идетъ, конечно, о самоотверженіи, о самопожертвованіи, о выборѣ между героической смертью и измѣной Богу, ренегатствомъ. Такія жертвы болѣе всего знакомы еврейству. Кому неизвѣстно, что вся исторія евреевъ написана святой кровью зарѣзанныхъ, истерзанныхъ и сожженныхъ евреевъ, съ открытыми глазами и поднятыми головами шедшихъ на эшафоты, костры и пытки не за политику, власть и деньги, а за страшный грѣхъ:

— За нежеланіе измѣнить своему Богу, своей вѣрѣ.

И кому, между прочимъ, неизвѣстно и то, что исторія всѣхъ народовъ запятнана этой святой кровью, пролитой каждымъ народомъ въ свою очередь, въ свое время и на свой ладъ.

Жертва чужой жизнью.

Допустима ли жертва чужой жизнью?..

Но раньше всего—во имя чего? Во имя пріобрѣтенія рая себѣ, приносящему жертву, не самой жертвѣ. Но помимо логической абсурдности, это исключается основнымъ принципомъ іудаизма.

„Нѣтъ хозяина на жизнь другого". „Отрицаніе уничтоженія одного ради другого".

Тогда во имя самой жертвы.

Не знаю, какова точка зрѣнія религіи любви на такое „насильственное облагодѣтельствованіе".

Логика любви можетъ быть такова. Если актъ жертвы жизнью ведетъ самую жертву къ безусловному благу,—то не справляются съ ея волей. Равно какъ не считаются съ нежеланіемъ ребенка принимать горькое лекарство. Такова можетъ быть логика любви. Но іудаизмъ прежде всего—религія справедливости. „Вся тора" его—„не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ". И если ты не хочешь быть жертвой помимо своей доброй воли, во имя чего бы то ни было, тѣмъ болѣе чужому Богу, чужимъ принципамъ, не хочешь даже въ томъ случаѣ, если приносящій жертву категорически признаетъ, что жертва твоей

же жизнью будетъ безусловнымъ счастьемъ для этой жертвы. Ты этого себѣ не пожелаешь,— не дѣлай этого и другому.

Неправда и цинизмъ.

Ницше называетъ еврейскую мораль — „моралью слабыхъ и рабовъ". Это—великая ложь. Но почва для ошибки есть. Есть къ чему придраться.

Іудаизмъ какъ откровеніе, какъ ученіе и мораль— походъ противъ права силы. Въ борьбѣ съ силой и ея нравомъ іудаизмъ послѣдователенъ до конца. Онъ всегда превозноситъ слабыхъ, преслѣдуемыхъ, угнетенныхъ. Онъ обѣщаетъ имъ тамъ небесное первенство въ компенсацію за то, что здѣсь они послѣдніе и лишніе. И вотъ въ этомъ усматриваетъ Ницше вознесеніе слабости, культъ ея. Это, конечно, непростительная ошибка.

Не идеологія слабости, не культъ самоуничтоженія, смиренности, умерщвленія плоти создали такое отношеніе къ слабымъ и сильнымъ.

Какъ разъ наоборотъ.

Потому что свобода—неоцѣнима для человѣка.

Потому что права всякаго безусловно священны.

Потому что исключительное право всякаго на свое „я"—неотъемлемо.

Потому что горе лишеннаго этихъ высокихъ благъ— неизмѣримо.

Потому что участь порабощеннаго, угнетеннаго и униженнаго—убійственна.

Потому только Тора борется съ силой и ея правомъ.

Ибо единственная созидательница всѣхъ этихъ бѣдъ и страданій, это—сила и ея право.

...Лишь стремясь сдѣлать всѣхъ сильными, искоренить слабость,—іудаизмъ всячески борется съ силой,—единственной виновницей слабости и слабыхъ. И, лишь желая сдѣлать всѣхъ счастливцами,—іудаизмъ даетъ здѣсь униженному и послѣднему первенство „тамъ". И бѣдный, слабый и униженный перестаетъ быть абсолютно несчастнымъ.

Тутъ не вражда къ силѣ, какъ міровому началу и не вознесеніе слабости и слабыхъ какъ культъ. А повторяю, наоборотъ. Высокая оцѣнка силы. И только потому нельзя не бороться съ первопричиной слабости и слабыхъ,—съ аггрессивной воинственной силою.

Ибо—„не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ"—вотъ вся тора.

Слабость совершенно чужда еврейству. Какъ нація, еврейство полно силы и борьбы. Не безъ основанія оно прозвано „Авангардомъ человѣчества".

Гдѣ дѣло идетъ объ участи истины, о попираніи права и поруганіи правды, тамъ предѣла нѣтъ дѣйствительному величію героизма, прекрасной духовной силѣ, проявляемой еврействомъ.

...Почва для ошибки относительно культа „слабости“ еврейской морали — есть. Но приписывать іудаизму— кровавый ритуалъ, это уже не ошибка.

Это—неслыханный, безпардонный цинизмъ...

...Все приведенное не претендуетъ, конечно, на исчерпывающую полную обрисовку моральной и этической глубины сущности іудаизма. Вопросъ — исчерпываема ли она вообще.

...Два дѣтища создалъ Богъ: Тору и Вселенную. Одна—цѣль. Другое—средство. Что цѣль, и что средство,—не разгадать. Оба безконечны, неисчерпаемы. Но приведеннаго достаточно для того, чтобы составить себѣ правильное представленіе о сущности еврейской морали вообще и объ ея отношеній къ крови и насилію въ частности.

И вотъ, г.г. судьи, сложите всѣ приведенныя положенія, и подведите итогъ—Получите ли вы „кровь“?

Вмѣсто заключенія.

...Повинный въ этомъ грѣхѣ (кровопролитіи): абсолютный нечестивецъ. И всѣ добродѣтели, совершенныя имъ на протяженіи всей его жизни, не искупятъ этого грѣха и не спасутъ его въ судный день.

...Аховъ—язычникъ... Но когда предстали предъ Богомъ всѣ его добродѣтели и всѣ его грѣхи, не нашлось грѣха, изъ-за котораго слѣдовалъ бы приговоръ къ уничтоженію, кромѣ грѣха „Новоса“.

...И вѣдь этотъ нечестивецъ—только причина этого убійства. Тѣмъ болѣе—убивающій собственными руками.

(Маймонидъ, Роцеахъ, 4, 9).

* *
*

Когда у Всевышняго явилась мысль даровать Тору людямъ, Всевышній запросилъ сыновъ Исава:—согласны ли они принять ее.

—„Владыка міра".—послѣдовалъ отвѣтъ,—въ торѣ, что написано? „Не убій".

А сущность наша вся и весь смыслъ нашего бытія—„Мечъ".

„Мечомъ твоимъ будешь жить"—отцовское наше благословленіе.

Мы не можемъ принять Торы.

Амонъ и Моавъ отказались отъ дара, ибо одинъ изъ законовъ ея:

„Не прелюбодѣй".

Своимъ происхожденіемъ они обязаны „прелюбодѣянію".

— Измаильтяне не могли принять Торы, потому что она повелѣваетъ: „Не укради".

Пришелъ онъ къ Израильтянамъ и запросилъ ихъ согласія. И послѣдовалъ отвѣтъ: „Будемъ исполнять и будемъ послушны"

(Ялкотъ Шимони Іисро).

Этотъ символическій діалогъ какъ нельзя лучше и ярче проводитъ параллель между Израилемъ и другими націями.

„Израиль, Тора и Всевышній“—одно цѣлое. Израиль—воплощеніе Торы.

(Зогаръ).

* * *

И сказалъ Илья:

Однажды переходилъ я съ одного мѣста въ другое. И пришелъ разъ одинъ и сѣлъ противъ меня. Зналъ онъ Св. Писаніе, а Мишны не зналъ. И говоритъ мнѣ: „Кровь человѣка не воспрещена Торою“. Возразилъ я ему: „Сынъ мой, какъ“... И отвѣтилъ онъ: „Писаніе только и говоритъ: крови же никакой не ѣшьте... ни съ птицы, ни со скота“. „О крови человѣка--тамъ не говорится“. Возразилъ я: Сынъ мой. Если воспрещена даже кровь скота, звѣря и птицы, которыхъ обычно мы ѣдимъ, то кровь человѣка, котораго мы не ѣдимъ, тѣмъ болѣе воспрещена къ употребленію. И писаніе говоритъ: „Не ѣсть крови, ибо кровь это—душа“.

(Тоно Дебо Ильи, 17).

Не диспутъ ли это прообраза Лютостанскихъ и Паранайтисовъ съ родоначальникомъ кабалистики и хасидизма,—Ильею Пророкомъ?..

* * *

Есть ложь и ложь.

Человѣкъ говоритъ послѣ сытаго обѣда, что онъ ничего не ѣлъ. Это—ложь. но она не колетъ глазъ.

Человѣкъ говоритъ:

— „Снѣгъ и сахаръ—черны“.

Это уже колетъ глаза. Но могло быть и правдой.

Но человѣкъ говоритъ:

„Солнце—черная тьма. Вода—суха. 2×2 стеариновая свѣча“. Это уже изъ того рода лжи и абсурда, всякій протестъ противъ которыхъ просто невѣжливъ.

Такого рода ложь — обвиненія евреевъ въ употребленіи крови съ ритуальною цѣлью.

...У евреевъ существуетъ выраженіе, очень обычное:—

„Это такая ложь, какъ кровавый навѣтъ“.

Читателю.

Предлагаемый трудъ написанъ въ мартѣ 1911 года, въ періодъ т. н. „протеста“. Не напечаталъ я его тогда по чисто внѣшнимъ причинамъ. Не считая этотъ трудъ злободневной статьей, теряющей все свое значеніе по прохожденіи соотвѣтствующаго момента, — я не отказываюсь отъ напечатанія его теперь, внѣ зависимости отъ состоянія дѣла Бейлиса въ данный моментъ.

Эта книга—скромный опытъ, и не претендуетъ быть исчерпывающимъ трудомъ по „ритуальному вопросу“. Она—лишь указаніе прежде всего—какъ не нужно отвѣчать на эту гнуснѣйшую клевету; а затѣмъ оно—примѣръ того, какъ нужно отвѣчать. Но не больше, чѣмъ примѣръ.

Изъ богатой кровавой литературы я ничего не читалъ.—Ни одного слова. Возможно поэтому, что въ моемъ трудѣ окажутся мѣста, уже воспроизведенныя другими. Но зато нѣтъ сомнѣній, что даже такія мѣста не лишены новаго и индивидуальнаго. Они не произнесены съ чужихъ словъ.

„Два пророка никогда не проявляютъ своего пророчества одинаково, даже при полной тождественности содержанія“

(Талмудъ).

Изъ богатой кровавой литературы я ничего не читалъ,—Ни одного слова. Возможно поэтому, что въ моемъ трудѣ окажутся мѣста, уже воспроизведенныя другими. Но зато нѣтъ сомнѣній, что даже такія мѣста не лишены новаго и индивидуальнаго. Они не произнесены съ чужихъ словъ.

„Два пророка никогда не проявляютъ своего пророчества одинаково, даже при полной тождественности содержанія"

(Талмудъ).